PG
3453
B2
1914a
t.2

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

Томъ второй

Горящія Зданія

Изданіе четвертое

LIBRARY

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1914

PG
3453
B2
1914A
c.2

LIBRARY
AUG 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

Зима.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Т. 2

2 Copy 4 16 47

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

Томъ второй

Горящія Зданія

Изданіе четвертое

x 778691
ор 38434

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1914

К. Д. Бальмонтъ

PG 3453
.B2
1867
стр 2

Типографія В. И. Воронова. Моховая, пр. Манежа, д. кн. Гагарина.

Горящія Зданія

Лирика современной души

Міръ долженъ быть оправданъ весь
Чтобъ можно было жить

Бальмонтъ

1899—Осень

Посвящаю эту книгу рубиновыхъ страницъ

моему другу

С. А. Полякову

съ которымъ мы вмѣстѣ ее пережили

Москва 3 января 1904 *К. Бальмонтъ*

1. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1899)

Эта книга почти цѣликомъ написала подъ властью одного настроенія, на долгія недѣли превратившаго мою жизнь въ сказку. Я былъ захваченъ страстной волной, которая увлекла меня и держала въ плѣну, бросала вверхъ, бросала внизъ, и я не могъ выйти изъ нея, пока самъ не овладѣлъ ею, понявъ ея сущность.

Я былъ въ замкнутой башнѣ, и видѣлъ сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотѣлъ выйти изъ башни, потому что въ человѣкѣ есть неудержимая потребность бѣжать къ мѣсту пожара. Но я не могъ выйти на волю, пока не понялъ самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая въ своей душѣ искусственной любви къ тому, что является теперь современностью и что въ иныхъ формахъ повторялось неоднократно, и никогда не закрывая своего слуха для голосовъ, звучащихъ изъ прошлаго и необходимаго грядущаго, Я не уклонялся отъ самого себя и спокойно отдавался тому потоку, который влечетъ къ новымъ берегамъ. Въ этой книгѣ я говорю не только за себя, но и за многихъ другихъ, которые нѣмотствуютъ, не имѣя голоса, а иногда имѣя его, но не желая говорить, нѣмотствуютъ, но чувствуютъ гнетъ роковыхъ противорѣчій, быть можетъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ я.

У каждой души есть множество ликовъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многіе изъ этихъ людей, образующихъ одного человѣка, должны быть безжалостно ввергнуты въ огонь. Нужно быть безпощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сдѣлалъ это въ предлагаемой книгѣ,

и, быть можетъ, тѣмъ, кто чувствуетъ созвучно со мной, она поможетъ придти къ тому внутреннему освобожденію, котораго я достигъ для себя.

Въ предшествующихъ своихъ книгахъ— *Подъ Сѣвернымъ Небомъ*, *Въ Безбрежности*, и *Тишина* я показалъ, что̀ можетъ сдѣлать съ Русскимъ стихомъ поэтъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы и перезвоны благозвучій, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

Въ воздухѣ есть скрытыя теченія, которыя пересоздаютъ душу.

Если мои друзья утомились смотрѣть на бѣлыя облака, бѣгущія въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки струнныхъ инструментовъ, пусть и тѣ и другіе увидятъ теперь, умѣю ли я ковать желѣзо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь.

Имѣніе Поляковыхъ «Баньки»,
Московскаго уѣзда.

2. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1903).

МОИ ВРАГИ.

О, да, ихъ имена суть многи,
Чужда имъ музыка мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты.

Ихъ дразнитъ трепетъ скрипки страстной,
И розъ красивыхъ лепестки.
Едва махнешь имъ тканью красной,
Они мятутся, какъ быки.

Зачѣмъ мы яркихъ красокъ ищемъ,
Зачѣмъ у насъ такъ свѣтелъ взглядъ!
Нѣтъ, если вѣжливъ ты, предъ нищимъ
Скрывай, поэтъ, что ты богатъ.

Отдай свой духъ мышинымъ войнамъ,
Забудь о безднѣ голубой.
Прилично ль быть красиво-стройнымъ,
Когда уроды предъ тобой!

Подслѣповатыми глазами
Они косятся на цвѣты.
Они питаются червями,
О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянутъ,—
И въ норы прячутся сейчасъ:
Вдругъ вовсе видѣть перестанутъ,
И станутъ дырки вмѣсто глазъ.

Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
Я въ облакахъ моей мечты.
Съ недостижимаго предѣла
Роняю любящимъ цвѣты.

Свѣчу и жгу лучомъ горячимъ,
И всѣмъ красивымъ шлю привѣтъ.
И я ничто—звѣрямъ незрячимъ,
Но зрѣнью свѣтлыхъ—я расцвѣтъ!

14 августа. День. Меррекюль, Эстляндской губ.

3. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904)

Какъ странно перебирать старыя бумаги, перелистывать страницы, которыя жили—и погасли для тебя, ихъ написавшаго. Они дороги и чужды, какъ лепестки подаренныхъ увядшихъ цвѣтовъ, какъ письма женщинъ, въ которыхъ ты пробудилъ непонятность, что зовется любовью, какъ выцвѣтшіе портреты отошедшихъ людей. Вотъ я смотрю на нихъ, и многое въ этомъ старомъ удивляетъ меня новизной. Въ свѣтѣ мгновеній я создавалъ эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались въ свою музыку, я былъ ихъ частью, когда они звенѣли. Они отзвенѣли и навѣки унесли съ собою свою тайну. И я другой, мнѣ перестало быть понятнымъ, что было такъ ярко-постижимо, когда я былъ ихъ созвучной и покорной частью, ихъ соучастникомъ. Я другой, я одинъ, мнѣ осталось лишь нѣсколько золотыхъ песчинокъ изъ сверкавшаго потока времени, нѣсколько страстныхъ рубиновъ, и нѣсколько горячихъ испанскихъ гвоздикъ, и нѣсколько красныхъ міровыхъ розъ.

Я живу слишкомъ быстрой жизнью и не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенья, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я мѣняю, и измѣняюсь самъ. Я отдаюсь мгновенью, и оно мнѣ снова и снова открываетъ свѣжія поляны. И вѣчно цвѣтутъ мнѣ новые цвѣты.

Я откидываюсь отъ разума къ страсти, я опрокидываюсь отъ страстей въ разумъ. Маятникъ влѣво, маятникъ вправо. На циферблатѣ ночей и дней незамѣтно должно быть движеніе. Но философія мгновенья не есть философія земного маятника. Звонъ мгновенья—когда его любишь какъ я — изъ области надземныхъ звоновъ.

Я отдаюсь міровому, и Міръ входитъ въ меня. Мнѣ близки и звѣзды, и волны, и горы. Мнѣ близки звѣри и герои. Мнѣ близки красивые и некрасивые. Я говорю съ другомъ, а самъ въ это время далеко отъ него, за преградой вѣковъ, гдѣ-то въ древнемъ Римѣ, гдѣ-то въ вѣчной Индіи, гдѣ-то въ той странѣ, чье имя — Майя. Я говорю съ врагомъ, а самъ въ то же время тайно люблю его, хотя бы я говорилъ самыя жесткія слова. О, клянусь, въ тѣ мгновенья, когда я — дѣйствительно я, мнѣ близки всѣ, мнѣ понятно и дорого все. Мнѣ понятны вершины, я на нихъ всходилъ, мнѣ понятно низкое, я низко падалъ, мнѣ понятно и то, что внѣ предѣловъ высокаго и низкаго. Я знаю полную свободу. Безмѣрность можетъ замкнуться въ малое. Песчинка можетъ превратиться въ систему звѣздныхъ міровъ. И слабыми руками будутъ воздвигнуты безмѣрныя зданья во имя Красоты. И сгорятъ города, и сгорятъ лѣса, а тамъ, гдѣ они шумѣли и молчали, возникнутъ новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вѣчная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: богъ покоя и богъ движенія. Я люблю ихъ обоихъ. Но я не долго медлю съ первымъ. Я побылъ съ нимъ. Довольно. Я вижу быстрые блестящіе глаза. Магнитъ моей души! Я слышу свистъ вѣтра. Я слышу пѣнье струнъ. Молотъ близъ горновъ. Раскаты міровой музыки. Я отдаюсь міровому. Мнѣ страшно. Мнѣ сладко. Міръ вошелъ въ меня. Прощай, мое вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра!

К. Бальмонтъ.

3 января. Ночь.
Москва.

КРИКЪ ЧАСОВОГО

Mis armas son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras penas,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana

Мой нарядъ—бранные доспѣхи,
Мое отдохновенье—гдѣ битва и бѣда,
Моя постель—суровые утесы,
Мое дремать—не спать никогда.

Старинная Испанская пѣсня

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

СОНЕТЪ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуетъ ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Посѣщенъ бѣгъ минуть.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безпечно усладитесь.

Но. чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА

А межъ тѣмъ огонь безумный
И глухой, и многошумный,
Все горитъ.

Эдгаръ По

Leaping higher, higher, higher...

E. A. Poe

I.

КИНЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

I will speak daggers.
Hamlet.

Я усталъ отъ нѣжныхъ сновъ,
Отъ восторговъ этихъ цѣльныхъ
Гармоническихъ пировъ
И напѣвовъ колыбельныхъ.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенныхъ мечтаній,
Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь!

Упоеніе покоя—
Усыпленіе ума.
Пусть же вспыхнетъ море зноя,
Пусть же въ сердцѣ дрогнетъ тьма.
Я хочу иныхъ бряцаній
Для моихъ иныхъ пировъ.
Я хочу кинжальныхъ словъ,
И предсмертныхъ восклицаній!

II.

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЪ.

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ.
Полночь и свѣтъ радуютъ насъ.
Въ сердцѣ моемъ—призрачный свѣтъ.
Въ сердцѣ моемъ—полночи нѣтъ.

Вѣтеръ и громъ знаютъ свой путь.
Къ лону земли смѣютъ прильнуть.
Въ сердцѣ моемъ буря мертва.
Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду рабомъ?
Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
Сердце мое, гибни въ огнѣ!
Полночь и свѣтъ, будьте во мнѣ!

III.

СЛОВО ЗАВѢТА.

Oh hombre! pregunta á los brutos
irracionales, que ellos te enseñarán...
Diego de Estella.

О, человѣкъ, спроси звѣрей,
Спроси безжизненныя тучи!
Къ пустынямъ водъ бѣги скорѣй,
Чтобъ слышать, какъ они пѣвучи!
Бѣги въ огромные лѣса,
Взгляни на сонныя растенья,
Въ чьей нѣжной чашечкѣ оса
Впиваетъ влагу наслажденья!
Имъ вѣдомъ ихъ законъ, имъ чуждо заблужденье.

Зачѣмъ же только ты одинъ
Живешь въ тревогѣ безпримѣрной?
Отъ колыбели до сѣдинъ
Ты каждый день—другой, невѣрный!

Зачѣмъ сегодня, какъ вчера,
Ты восклицанье безъ отвѣта?
Какъ тѣнь отъ яркаго костра,
Ты въ ночь бѣжишь отъ мѣста свѣта,
И чаща вкругъ тебя безмолвіемъ одѣта.

Проникни силою своей
Въ языкъ безмолвія ночного!
О, человѣкъ, спроси звѣрей
О цѣли странствія земного!
Ты каждый день убійцей былъ
Своихъ же собственныхъ мечтаній,
Ты духъ изъ тысячи могилъ,—
Живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!—
И въ смерти будешь жить, какъ остовъ мощныхъ зданій!

IV.

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Есть сѣрая птица морская съ позорнымъ названьемъ—глупышъ.
Летитъ она вяло и низко, какъ будто бы спитъ,—но, глядишь,
Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстро сверкнувшей волной,
Она увлекаетъ добычу съ блестящей ея чешуей.
Она увлекаетъ добычу, но дерзокъ, красивъ, и могучъ,
Надъ ней альбатросъ длиннокрылый, покинувъ возвышенность тучъ,
Какъ камень, низринутый съ неба, стремительно падаетъ нищъ,
При громкихъ встревоженныхъ крикахъ окрестъ пролетающихъ
птицъ.

Ударомъ свирѣпаго клюва онъ рыбу швырнетъ въ пустоту,
И, быстрымъ комкомъ промелькнувши, изловитъ ее налету,

И, глупую птицу ограбивъ, онъ крылья расправитъ свои,
И виденъ въ его уже клювѣ блестящій отливъ чешуи.—
Морской и воздушный разбойникъ, тебѣ я слагаю свой стихъ,
Тебя я люблю за безстыдство пиратскихъ порывовъ твоихъ.
Вы, глупыя птицы, спѣшите, ловите сверкающихъ рыбъ,
Чтобъ мѣткимъ захватистымъ клювомъ онъ въ воздухѣ ихъ
перешибъ!

V.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ,
Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подъ Сіэррою-Невадой,
Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
Чтобы съ жадной быстротою Аравійскаго коня
Всюду мчаться за врагами подъ багряной вспышкой дня.

И, быть можетъ, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
Я ихъ самъ же разбросаю, разгоню, какъ привидѣнья,
Но и въ часъ переддремотный, между скалъ родимыхъ вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

VI.

КРАСНЫЙ ЦВѢТЪ.

Быть-можетъ, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ:
Мнѣ маки грезятся, согрѣтые лучомъ.
Гвоздики алыя, и, полныя угрозы,
Махрово-алчныя, раскрывшіяся розы.
Я вижу лиліи надъ зыбкою волной:
Окровавленныя багряною Луной,
Они, забывъ свой цвѣтъ, безжизненно-усталый,
Мерцаютъ сказочно окраской ярко-алой,
И съ сладкимъ ужасомъ, въ застывшей тишинѣ,
Какъ губы тянутся, и тянутся ко мнѣ.

И кровь поетъ во мнѣ... И въ таинствѣ заклятья
Мнѣ шепчутъ призраки: „Скорѣе! Къ намъ въ объятья!
„Цѣлуй меня... Меня!.. Скорѣй... Меня... Меня!..“
И губы жадныя, на табашъ свой маня,
Лепечутъ страшныя призывныя признанья:
„Намъ все позволено... Намъ въ мірѣ нѣтъ изгнанья...
„Мы всюду встрѣтимся... Мы нужны для тебя...
„Подъ краснымъ Мѣсяцемъ, огни лучей дробя,
„Мы объяснимъ тебѣ всѣ бездны наслажденья,
„Всѣ тайны вѣчности и смерти и рожденья“.

И кровь поетъ во мнѣ. И въ зыбкомъ полуснѣ
Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
И близость новаго, и тайнаго чего-то,
Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
Меня баюкаетъ, и вкрадчиво зоветъ,
Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
Весь міръ откроется, и все въ немъ будетъ вновѣ,
Смѣются маки мнѣ, произенные лучомъ...
Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

VII.

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
И чувствовалъ тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь—какъ видѣнье!

Ты мучить не будешь меня,
А радовать страшной мечтою,
Созданіе тьмы и огня,
Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытьи,
Въ безумствѣ кошмарнаго пира,
Румяныя губы твои,
Кровавыя губы вампира!

И если я прежде былъ твой,
Теперь ты мое привидѣнье,
Тебя я страшнѣе—живой,
О, тѣнь моего наслажденья!

Лежи искаженнымъ комкомъ,
Обломокъ погибшаго зданья.
Ты больше не будешь врагомъ...
Такъ помни, мой другъ: До свиданья!

VIII.

СКИѲЫ.

Мы блаженные сонмы свободно кочующихъ Скиѳовъ,
Только воля одна намъ превыше всего дорога.
Бросивъ замокъ Ольвійскій съ его изваяньями грифовъ,
Отъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

Нѣтъ ни капищъ у насъ, ни боговъ, только зыбкія тучи
Отъ востока на западъ молитвеннымъ свѣтятъ лучомъ.
Только богу войны темный хворостъ слагаемъ мы въ кучи,
И вершину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ мечомъ.

Саранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагрянемъ,
И безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
И всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
Напитавши стрѣлу смертоносною желчью змѣи.

Налетимъ, прошумимъ, и врага повлечемъ на арканѣ,
Безъ оглядки стремимся къ другой непочатой странѣ.
Наше счастье—война, наша вѣрная сила—въ колчанѣ,
Наша гордость—въ незнающемъ отдыха быстромъ конѣ.

IX.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

ПРЕДАНІЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
Толпы людей скитались безъ крова,
И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
Съ свирѣпостью на дольный міръ смотря.
И вопль протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
Изъ тьмы лѣсовъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Какъ скотъ,—озвѣрены и неодѣты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
Живымъ давали смрадный адскій хлѣбъ,
Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь межь тучъ тройныхъ,
Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,

На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьева свой духъ переселя.

X.

ОПРИЧНИКИ.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣивали игры,
Чтобъ увеличить полчище гробовъ,—

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ,
На женъ и дѣвъ виспосылали срамъ,—

Когда, обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣпѣвшій царь,—
На небесахъ, своею чередою,
Созвѣздья улыбался какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ—клевещетъ на себя!

XI.

СМЕРТЬ ДИМИТРІЯ КРАСНАГО.

ПРЕДАНІЕ.

Нѣтъ, на Руси бывали чудеса,
Не меньшія, чѣмъ въ отдаленныхъ странахъ.
Къ намъ также благосклонны Небеса,
Есть и для насъ мерцанія въ туманахъ.

Я разскажу о чудѣ старыхъ дней,
Когда, опустошая нивы, долы,
Врываясь въ села шайками тѣней,
Терзали насъ безчинные Монголы.

Жилъ въ Галичѣ тогда несчастный князь,
За красоту былъ званъ Димитрій Красный.
Незримая межъ нимъ и Небомъ связь
Въ кончинѣ обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
Онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывалъ кручины.

Кровь изъ носу безъ устали текла.
Быть пріобщенъ хотѣлъ Святыхъ онъ Таинъ,
Но страшная на немъ печать была:
Вкругъ рта—все кровь, и онъ глядѣлъ — какъ Каинъ.

Толпилися бояре, позабывъ
Себя—предъ ликомъ горькаго злосчастья.
И вотъ ему, молитву сотворивъ,
Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрій успокоился, притихъ,
Вздохнувъ, заснулъ, и всѣмъ казался мертвымъ.
И нѣкій сонъ, но не изъ сновъ земныхъ,
Виталъ надъ этимъ трупомъ распростертымъ.

Оплакали бояре мертвеца,
И крѣпкаго они испивши меда,
На лавкахъ спать легли. А у крыльца
Росла толпа безмолвнаго народа.

И вдругъ одинъ бояринъ увидалъ,
Какъ, шевельнувъ чуть зримо волосами,
Мертвецъ, покровъ содвинувъ, тихо всталъ,—
И началъ пѣть съ закрытыми глазами.

И въ ужасѣ, среди полночной тьмы,
Бояре во дворецъ народъ впустили.
А мертвый, стоя, бѣлый, пѣлъ псалмы,
И толковалъ значенье Русской были.

Онъ пѣлъ три дня, не открывая глазъ,
И возвѣстилъ грядущую свободу,
И умеръ какъ святой, въ разсвѣтный часъ,
Внушая ужасъ блѣдному народу.

XII.

СКОРПІОНЪ.

СОНЕТЪ.

Я окруженъ огнемъ кольцеобразнымъ,
Онъ близится, я къ смерти присужденъ,—
За то, что я родился безобразнымъ,
За то, что я зловѣщій скорпіонъ.

Мои враги глядятъ со всѣхъ сторонъ,
Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ,—
Нѣтъ выхода, я смертью окруженъ,
Я пламенемъ стѣсненъ многообразнымъ.

Но вотъ, хоть все ужаснѣй для меня
Дыханья неотступнаго огня,
Однимъ порывомъ полонъ я, безбольнымъ.

Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
Я смерть свою нашелъ въ самомъ себѣ.
Я гибну скорпіономъ—гордымъ, вольнымъ.

XIII.

* * *

Я люблю далекій слѣдъ—отъ весла,
Мнѣ отрадно подойти—вплоть до зла,
И его не совершивъ—посмотрѣть,
Какъ костеръ, вдали, за мной—будетъ тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
Пламя зарева со мной—навсегда.
О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III

Кажусь святымъ, роль дьявола играя.
Ричардъ Третій

I.

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

Ангелы опальные,
Свѣтлые, печальные,
Блески погребальные
Тающихъ свѣчей;—
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсвѣты лучей;—
Взоры полусонные,
Нѣжные, влюбленные,
Дымкой окаймленныя,
Тонкія черты,
То мои несмѣлые,
То воздушно-бѣлые,
Сладко онѣмѣлые,
Легкіе цвѣты.

Чувственно-неясныя,
Дѣвственно-прекрасныя,
Въ страстности безстрастныя,
Тайны и слова;—
Шорохъ приближенія,
Радость отраженія,
Нѣжный грѣхъ внушенія,
Дышащій едва;—
Зыбкія и странныя,
Вкрадчиво-туманныя,

Въ смѣлости нежданныя,
Проблески огня,—
То мечты, что встрѣтятся
Съ тьми, кѣмъ отмѣтятся,
И опять звсвѣтятся
Эхомъ для меня!

II.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви, несказанныя мною,
Въ моей душѣ горятъ и жгутъ меня.
О, еслибъ ты была рѣчной волною,
О, еслибъ я былъ первой вспышкой дня!

Чтобъ я, скользнувъ чуть видимымъ сіяньемъ,
Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
Чтобъ ты, моимъ блеснувъ очарованьемъ,
Жила своей подвижной красотой!

III.

ХЛОПЬЯ ТУМАНА.

1.

Можно вздрогнуть отъ звука шаговъ,
Не изъ чувства обмана,
А изъ жажды остаться вдвоемъ въ нетревожимомъ счастіи снова,
Подъ владычествомъ чары, воздушной, какъ грань облаковъ,
Можно горько бояться, что свѣтлыя хлопья тумана
Разойдутся—не слившись, умрутъ,—слишкомъ рано.

2.

О, въ душѣ у меня столько словъ для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3.

Я какъ сонъ предъ тобой, я какъ сонъ голубой,
Задремавшій на синемъ цвѣткѣ.
Я какъ шорохъ весны, я какъ вздохъ тишины,
Какъ тростникъ наклоненный къ рѣкѣ.
Я какъ легкій ковыль, какъ цвѣточная пыль,
Каждый мигъ и дышу, и дрожу.
Я какъ лѣтняя мгла, что свѣтла и тепла,
И тебѣ все безъ словъ я скажу.

IV.

ОПЯТЬ.

Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеніемъ,
Чтобъ мои надъ тобой трепетали мечты,
Какъ струится ручей мелодическимъ пѣніемъ
Заласкать наклонившихся лилій цвѣты,
Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
Ты шептала: „Опять! Это—ты! Это—ты!“

О, я буду воздушнымъ и нѣжно внимательнымъ,
Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,
Мы уйдемъ чрезъ сліяніе ночи и дня,
Чтобъ угаданный свѣтъ былъ какъ будто гадательнымъ,
Чтобъ мы оба зажглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
Несказаннымъ—однимъ—поцѣлуемъ мечты,
И блаженство твое будетъ сладко медлительнымъ,
Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгѣ мучительномъ
Прошептала: „Опять! Ахъ опять! Это—ты!“

V.

СРЕДИ КАМНЕЙ.

Я шелъ по выжженному краю
Какихъ-то сказочныхъ дорогъ.
Я что-то думалъ, что̀, не знаю,
Но что̀ не думать—я не могъ.

И полумертвыя руины
Полузабытыхъ городовъ
Безмолвны были, какъ картины,
Какъ голосъ памятныхъ годовъ.

Я вспоминалъ, я уклонялся,
Я измѣнялся каждый мигъ,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мнѣ мой собственный двойникъ.

И утомительно мелькали
Съ полуослѣпшей высоты,
Изъ тьмы руинъ, изъ яркой дали,
Неговорящіе цвѣты.

Но на крутомъ внезапномъ склонѣ,
Среди камней, я понялъ вновь,
Что дышетъ жизнь въ нѣмомъ затонѣ,
Что есть безсмертная любовь.

VI.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной—
Только въ одномъ:
Быть какъ цвѣтокъ полусонный
Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,
Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,
Все позабыть, и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающимъ сномъ.

Счастье ночной белладонны—
Лаской убить.
Взоры ея полусонны,
Любо ей день позабыть,
Свѣтомъ Луны расцвѣчаться,
Сердцемъ съ Луною встрѣчаться,
Тихо подъ вѣтромъ качаться,
Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали.
Радость моя!
Радости нѣтъ безъ печали,
Между цвѣтами—змѣя.

Кто же съ душой утомленной,
Вспыхнетъ мечтой полусонной
Кто расцвѣтетъ белладонной,—
Ты или я?

VII.

Я БУДУ ЖДАТЬ.

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обѣщаешь навсегда.

Ты вся—безмолвіе несчастія,
Случайный свѣтъ во мглѣ зємной,
Неизъясненность сладострастія,
Еще не познаннаго мной.

Своей усмѣшкой вѣчно-кроткою,
Лицомъ всегда склоненнымъ ницъ,
Своей неровною походкою
Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ,

Ты будишь чувства тайно-спящія,—
И знаю, не затмитъ слеза
Твои куда-то прочь глядящіе,
Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста къ устамъ, прильнуть ко мнѣ,

Но я не знаю высшей сладости,
Какъ быть съ тобой наединѣ.

Не знаю, смерть-ли ты нежданная,
Иль нерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

VIII.

НѢЖНѢЕ ВСЕГО.

Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
Нѣжнѣй, чѣмъ серебряный звонъ,—
Нѣжнѣе, чѣмъ ландышъ душистый,
Когда онъ въ другого влюбленъ.

Нѣжнѣй, чѣмъ признанье во взглядѣ,
Гдѣ счастье желанья зажглось,—
Нѣжнѣе, чѣмъ свѣтлыя пряди
Внезапно упавшихъ волосъ.

Нѣжнѣе, чѣмъ блескъ водоема,
Гдѣ слитное пѣніе струй,—
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви поцѣлуй.

Нѣжнѣе того, что желанно
Огнемъ волшебства своего,—
Нѣжнѣе, чѣмъ Польская панна,
И, значитъ, нѣжнѣе всего.

IX.

ВОЛНА.

Набѣгаетъ, уходитъ, и снова, свѣтясь, возвращается,
Улыбается, манитъ, и плачетъ съ притворной борьбой,
И украдкой слѣдитъ, и обманно съ тобою прощается,—
И мелькаетъ, какъ кружево, пѣна во мглѣ голубой.
О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
О, волна, подожди! Но отхлынулъ прибой.

Серебристыя нити отъ новой Луны засвѣчаются,
Все вольнѣй и воздушнѣй—уплывшему въ даль кораблю.
И лучистыя волны встрѣчаются, тихо качаются,
Вырастаетъ незримое рабство, я счастливъ, я силю.
И смѣется волна: „Я тебя утоплю!
„Утоплю, потому что безмѣрно люблю!“

X.

ОСЕНЬ.

Вы умрете, стебли травъ,
Вы вершинами встрѣчались,
Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
Но, блаженства не видавъ,
Вы умрете, стебли травъ.

Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
Тихій, ровный, заглушенный,
Отдаленно-приближенный.

Умираетъ каждый листъ,
Въ рощѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Сонно падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы, и осины.
Съ измѣненной высоты
Сонно падаютъ листы.

XI.

ОТЦВѢЛИ.

Отцвѣли—о, давно!—отцвѣли орхидеи, мимозы,
Сновидѣнья нагрѣтыхъ и душныхъ и влажныхъ теплицъ.
И въ пространствѣ, застывшемъ, какъ мертвенный цвѣтъ туберозы,
Чуть скользятъ очертанья поблекшихъ разлюбленныхъ лицъ.

И блѣднѣютъ, и тонутъ въ душѣ, гдѣ развалины дремлютъ,
Въ этой безднѣ, гдѣ много, гдѣ все пробѣгаетъ на мигъ,
Въ переходахъ, гдѣ звукамъ ихъ отзвуки, вторя, не внемлютъ,
Гдѣ одинъ для меня сохранился немеркнущій ликъ.

Этотъ образъ—въ созвучіи странномъ съ душою моею,
Въ этомъ ликѣ мы оба съ тобою узнаемъ себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смѣю,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю съ безупречною нѣжностью духа и брата,
Я люблю, какъ звѣзду отдаленная любитъ звѣзда,
Какъ цвѣтокъ, что еще не растратилъ въ душѣ аромата,
Я съ тобой—я люблю—я съ тобой—разлученъ—навсегда.

XII.

ЗАМОКЪ ДЖЭНЪ ВАЛЬМОРЪ.

БАЛЛАДА.

1.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
Красавицы надменной,
Толпятся гости съ давнихъ поръ,
Въ тоскѣ безперемѣнной:
Во взоръ ея лишь бросишь взоръ,
И ты навѣки плѣнный.

2.

Красивы замки старыхъ лѣтъ.
Зубцы ихъ сѣрыхъ башенъ
Какъ будто льютъ чуть зримый свѣтъ,
И страненъ онъ и страшенъ,
Нѣмымъ огнемъ былыхъ побѣдъ
Ихъ гордый ликъ украшенъ.

3.

Мосты подъемные и рвы,—
Замкнутыя владѣнья.
Здѣсь ночью слышенъ крикъ совы,
Здѣсь бродятъ привидѣнья.
И страненъ вздохъ сѣдой травы
Въ часъ луннаго затменья.

4.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ
Чуть ночь—звучатъ баллады.
Поетъ струна, встаетъ укоръ,
А гдѣ-то—водопады,
И дологъ гулъ окрестныхъ горъ,
Отвѣтствуютъ громады.

5.

Сегодня день рожденья Джэнъ.
Часы тяжелымъ боемъ
Сзываютъ всѣхъ, кто взятъ ей въ плѣнъ,
И вотъ проходятъ роемъ
Красавцы, Гроль, и Ральфъ, и Свенъ,
По сумрачнымъ покоямъ.

6.

И нѣжныхъ дѣвъ сосѣднихъ горъ
Здѣсь ярко блещутъ взгляды,
Эрглэнъ, Линоръ,—и ясенъ взоръ
Пышноволосой Ады,—
Но всѣхъ прекраснѣй Джэнъ Вальморъ,
Въ честь Джэнъ звучатъ баллады.

7.

Пѣвучій танецъ заструилъ
Медлительныя чары.
Пусть будетъ съ милой кто ей милъ,
И вотъ кружатся пары.
Но богъ любви движеньемъ крылъ
Сердцамъ готовитъ кары.

8.

Да, взоръ одинъ на путь измѣнъ
Всѣхъ манитъ неустанно.
Все въ жизни—дымъ, все въ жизни—тлѣнъ,
А въ смерти все туманно.
Но ради Джэнъ, о, ради Джэнъ,
И смерть сама желанна.

9.

Бьетъ полночь.—„Полночь!“—Звучный хоръ
Пропѣлъ балладу ночи.—
„Безпечныхъ дней цвѣтной узоръ
„Былъ длиненъ, сталъ короче“.—
И вотъ у гордой Джэнъ Вальморъ
Блеснули странно очи.

10.

Въ полночный садъ зоветъ она
Безумныхъ и влюбленныхъ,
Тамъ нѣжно царствуетъ Луна
Межь елей полусонныхъ,
Тамъ дышетъ нѣжно тишина
Среди цвѣтовъ склоненныхъ.

11.

Они идутъ, и садъ молчитъ,
Прохлада надъ травою,
И только здѣсь и тамъ кричитъ
Сова надъ головою,
Да въ замкѣ музыка звучитъ
Прощальною мольбою.

12.

Идутъ. Но вдругъ одинъ пропалъ,
Какъ блѣдное видѣнье,
Другой холоднымъ камнемъ сталъ,
А третій—какъ растенье.
И обнялъ всѣхъ незримый валъ
Волненьемъ измѣненья.

13.

Подъ желтой дымною Луной,
Въ саду съ травой сѣдою,
Безумцы, пестрой пеленой
И разной чередою,
Одѣлись формою иной
Предъ дѣвой молодою.

14.

Исчезли Гроль, и Ральфъ, и Свенъ
Среди растеній сада.
Къ цвѣтамъ навѣкъ попали въ плѣнъ
Эрглонъ, Линоръ, и Ада.
Въ глазахъ зеленоглазой Джэнъ—
Змѣиная отрада.

15.

Она одна, окружена
Тѣнями ей убитыхъ.
Дыханій много пьетъ она
Изъ этихъ травъ излитыхъ.
Въ ней—осень, ей нужна весна
Восторговъ ядовитыхъ.

16.

И потому, сплетясь въ узоръ,
Въ тоскѣ безпеременной,
Томятся души съ давнихъ поръ,
Толпой навѣки плѣнной,
Въ старинномъ замкѣ Джонъ Вальморъ,
Красавицы надменной.

XIII.

ЧАРЫ МѢСЯЦА.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

1.

Между скалъ, подъ властью мглы,
Спятъ усталые орлы.
Вѣтеръ въ пропасти уснулъ,
Съ Моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водой,
Глянулъ Мѣсяцъ молодой,
Волны темныя воззвалъ,
Въ Морѣ вспыхнулъ мертвый валъ.

Въ Морѣ вспыхнулъ свѣтлый мостъ,
Ярко дышутъ брызги звѣздъ.
Мѣсяцъ ночь освободилъ,
Мѣсяцъ Море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
Мѣсяцъ міромъ овладѣлъ,
Жадным свѣтомъ съ высоты
Тронулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
Вызвалъ духовъ изъ могилъ.
Въ сѣрыхъ башняхъ, вдоль стѣны,
Встали тѣни старины.

Встали тѣни и глядятъ,
Страненъ ихъ недвижный взглядъ,
Странно небо надъ водой,
Властенъ Мѣсяцъ молодой.

3.

Возлѣ башни, у стѣны,
Гдѣ чуть слышенъ шумъ волны,
Отдѣлился въ полумглѣ
Бѣлый призракъ Джамилэ.

Призракъ царственный княжны
Вспомнилъ счастье, вспомнилъ сны,
Все, что было такъ свѣтло,
Что ушло—ушло—ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
Та же блѣдная вода,
Тамъ, высоко надъ водой,
Тотъ же Мѣсяцъ молодой.

4.

Все слилось тогда въ одно
Лучезарное звено.
Какъ-то странно, какъ-то вдругъ,
Все замкнулось въ яркій кругъ.

Надъ прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Измѣняяся едва,
Незабвенныя слова.

Море пѣло о любви,
Говоря, „Живи! живи!“
Но, хоть вспыхнулъ въ сердцѣ свѣтъ,
Отвѣчало сердце: „Нѣтъ!“

5.

Возлѣ башни, въ полумглѣ,
Плачетъ призракъ Джамиле.
Смотрятъ тѣни вдоль стѣны,
Свѣтитъ Мѣсяцъ съ вышины.

Все сильнѣй идетъ прибой
Отъ равнины голубой,
Отъ долины быстрыхъ водъ,
Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія плывутъ,
Волны къ счастію зовутъ,
Вспыхнетъ легкая вода,
Вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идутъ,
И одни другихъ не ждутъ.
Каждой данъ одинъ лишь мигъ,
Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
Только разъ блаженнымъ быть,
Впить въ себя восторгъ и свѣтъ,—
Только разъ, а больше—нѣтъ.

Камень падаетъ на дно,
Дважды жить намъ не дано.
Кто-жь придетъ къ тебѣ во мглѣ,
Бѣлый призракъ Джамилэ?

7.

Вотъ ужь съ яркою звѣздой
Гаснетъ Мѣсяцъ молодой.
Меркнетъ жадный свѣтъ его,
Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
Старой башнѣ ночи жаль,
Камни сѣрые глядятъ,
Неподвиженъ мертвый взглядъ.

Вѣтеръ въ пропасти встаетъ,
Пѣсню скучную поетъ.
Между скалъ, подъ влагой мглы,
Просыпаются орлы.

XIV.

* * *

Можно жить съ закрытыми глазами,
Не желая въ мірѣ ничего,
И навѣкъ проститься съ небесами,
И понять, что все кругомъ мертво.

Можно жить, безмолвно холодѣя,
Не считая гаснущихъ минутъ,
Какъ живетъ осенній лѣсъ, рѣдѣя,
Какъ мечты поблекшія живутъ.

Можно все завѣтное покинуть,
Можно все безслѣдно разлюбить.
Но нельзя къ минувшему остынуть,
Но нельзя о прошломъ позабыть!

СОВѢСТЬ

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles?
Baudelaire

Я говорю: Слѣпцы! Что нужно имъ отъ Неба?
Бодлэръ

I.

СУМРАЧНЫЯ ОБЛАСТИ.

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ дней,—
Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы ростете медленно, но какъ глыбы тучъ,
Вашъ провалъ безмолвія страшенъ и могучъ,
Вы грозите скрытою гибельностью кручъ.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
Наши мысли гонятъ насъ, гонятъ, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
Дышетъ глянцевитостью нашъ водоворотъ,
Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальніе края,
Вотъ уже испорчена молодость твоя,
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодною, полной пустоты,
Въ жаждѣ новыхъ пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной въ безднѣ голубой,
Гдѣ ты вдругъ очутишься—съ призракомъ—съ собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слѣпой.

И среди отчаянья, дыма, и тѣней,
Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ дней?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣстью своей?

II.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекутъ тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продольностью колесъ,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За нами тянутся, готовя горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
Они накопятся, и, рухнувъ, какъ утесъ,
Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

III.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Стараясь выбирать тѣнистыя мѣста,
Я ѣхалъ по лѣсу, и эта красота
Деревьевъ, дремлющихъ въ полуденномъ покоѣ,
Какъ бы недвижимо купающихся въ зноѣ,
Меня баюкала, и въ душу мнѣ проникъ
Дремотныхъ помысловъ мерцающій родникъ.

Я вспомнилъ молодость... Обычныя мгновенья
Надеждъ, наивности, влюбленности, забвенья,
Что свѣтитъ пламенемъ воздушно-голубымъ,
И превращается внезапно въ черный дымъ.

Зачѣмъ такъ памятно, нѣмою пеленою,
Видѣнья юности, вы встали предо мною?
Уйдите. Мнѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
Вы только призраки, вы горькіе упреки,
Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
Безцѣльно ѣдущій—куда? Кто скажетъ мнѣ!
Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышутъ вѣтки...
Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли нѣтъ,
Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать лѣтъ.
Неподражаемо-стыдливыя свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ года,
„Люблю“, „Я твой“, „Твоя“, „Мой милый“, „Навсегда“.
Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣсть съ ней рядомъ!
Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взглядомъ!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
Родной мой старый садъ, смѣненный дикимъ лѣсомъ.
Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабытъ,
Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копытъ.
То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
Рожденныхъ сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,

Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ
Съ гнилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
Очагъ, въ чью пасть идутъ хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
Гдѣ слабымъ мѣста нѣтъ, гдѣ силенъ тотъ, кто лживъ.
Но тамъ есть счастіе—уйти безповоротно,
Душой своей души, къ тому, что мимолетно,
Что свѣтитъ радостью иного бытія,
Мечтать, искать, и ждать,—какъ сдѣлалъ это я.
Мнѣ грезились міры, рожденные мечтою,
Я землю осѣнялъ своею красотою,
Я всѣхъ любилъ, на все склонялъ свой чуткій взоръ,
Но мракъ ужъ двинулся, и шелъ ко мнѣ, какъ воръ.

Мнѣ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
Вселенной жаждалъ я, а мой вампиріный геній
Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно,
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она такъ медленно раскидывала сѣти,
Мы веселились съ ней, мы были съ ней какъ дѣти,
Пронизанъ солнцемъ былъ ласкающій туманъ,
И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
Меня низринуло съ лазурной высоты
Въ провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшатъ воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознанье.
Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...
О, нѣтъ, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умретъ въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,

Что было такъ свѣтло Судьбой тебѣ дано.
Но гдѣ я? Что со мной? Вокругъ меня завѣса
Непроницаемо-запутаннаго лѣса,
Повсюду—острые и цѣпкіе концы
Вѣтвей, изогнутыхъ и сжатыхъ, какъ щипцы,
Они назойливо царапаютъ и рвутъ,
Дорогу застятъ мнѣ, глаза мои туманятъ,
Встаютъ преградою смутившемуся дню,
Ложатся подъ ноги взыгравшему коню.
Я вижу чудища за ветхими стволами,
Они слѣдятъ за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
Съ кривой улыбкою.—Послѣдній лучъ исчезъ.
Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
Вершины шорохомъ окутались ростущимъ,
Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнымъ грядущимъ.
И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
Съ змѣистой молніей рождаютъ гулъ и громъ.
Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи налѣво,
Исполненъ ярости и мстительнаго гнѣва,
Взметнулся огненный пылающій языкъ.
Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шипѣнье,
Деревьевъ-факеловъ кипящій дымный адъ,
И бури бѣшеной раскатистый набатъ.
Порвавши повода, средь чаднаго тумана,
Какъ бы охваченный прибоемъ Океана,
Мой конь несетъ меня, и странно-жутко мнѣ
На этомъ взмыленномъ испуганномъ конѣ.
Лѣсной пожаръ гудитъ. Я понялъ предвѣщанье,
Передъ душой моей вы встали на прощанье,
О, тѣни прошлаго!—Простите же меня,
На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

IV.

РАЗСВѢТЪ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Я помню... Ночь кончалась,
Какъ-будто таялъ дымъ.
И какъ она смѣялась
Разсвѣтомъ голубымъ.

Безмолвно мы разстались,
Чужіе навсегда.
И больше не видались.
И канули года.

И память измѣнила,
Тебя я забывалъ.
Изъ блѣднаго бокала
Блаженство допивалъ.

И новыми огнями
Себя я ослѣпилъ.
И дни ушли за днями,
И жизнь я вновь любилъ.

Не жизнь, а прозябанье
Въ позорномъ полуснѣ:
Я пилъ безъ колебанья,
Искалъ мечты въ винѣ.

И вотъ хохочутъ струны,
Безчинствуетъ порокъ,
И всѣ душою юны:
Разсвѣтъ еще далекъ.

Смѣлѣетъ опьяненье,
И сердцу жизнь смѣшна.
Растаяли сомнѣнья,
Исчезла глубина.

И крѣпко спятъ упреки.
И манятъ вновь и вновь—
Подкрашенныя щеки,
Поддѣльная любовь.

И мигъ забвенья длится,
И царствуетъ вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущаетъ
Туманностью лица
И молча возвѣщаетъ,
Что правдѣ нѣтъ конца?

То чудится мнѣ снова,
Въ послѣдній мигъ утѣхъ,
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ.

И пляшущія тѣни
Застыли, отошли.
Я вижу вновь ступени,
Забытыя вдали.

И все, чѣмъ жилъ когда-то,
Я снова полюбилъ.
Но больше нѣтъ возврата
Къ тому, чѣмъ прежде былъ.

Зловѣщая старуха,
Судьба глядитъ въ окно.
И кто-то шепчетъ глухо,
Что я погибъ давно.

V.

ДЫМЪ.

Мы начинаемъ дни свои
Среди цвѣтовъ и мотыльковъ,
Когда прозрачные ручьи
Бѣгутъ межъ узкихъ береговъ.
Мы дѣтство празднуемъ, смѣясь,
Подъ небомъ близкимъ и роднымъ,
Мы видимъ пламя каждый часъ,
Мы видимъ свѣтлый дымъ.

И по теченью мы идемъ,
И стаи пестрыя стрекозъ,
Подъ Солнцемъ, точно подъ дождемъ,
Свѣваютъ брызги свѣтлыхъ слезъ.

И по теченью мы слѣдимъ
Мельканья косвенныя рыбъ,
И точно легкій темный дымъ,
Подводныхъ травъ изгибъ.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
Закатный часъ еще далекъ.
Быть можетъ близокъ. Намъ не жаль.
Горитъ и западъ и востокъ.
И мы простились съ нашимъ днемъ,
И мы, опомнившись, глядимъ,
Какъ въ небѣ темно-голубомъ
Плыветъ кровавый дымъ.

VI.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
Во мракѣ, но съ жаждою свѣта.
И ужасъ внезапный объялъ ихъ сердца,
Когда дождались отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
Въ обрывѣ лазури туманной.
И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
Но ужасъ объялъ ихъ нежданный.

Какъ тѣни слѣпыя, закрывши глаза,
Сидѣли они, засыпая.
Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:
Все рѣки, безмолвныя рѣки!

На лонѣ ростущихъ чернѣющихъ водъ
Зажегся пожаръ безпредѣльный.
Но спящіе призраки плыли впередъ,
Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
Качался въ сверкающемъ дымѣ.
И плыли они безъ конца, безъ конца,
И путь свой свершили—слѣпыми.

VII.

СКРИЖАЛИ.

Мы раздробленныя скрижали.
Случевскій

Какъ же Міръ не распадется,
Если онъ возникъ случайно?
Какъ же онъ не содрогнется,
Если въ немъ начало—тайна?

Если гдѣ-нибудь, за Міромъ,
Кто-то мудрый Міромъ правитъ,
Отчего жь мой духъ, вампиромъ,
Сатану поетъ и славитъ?

Смерть свою живымъ питаетъ,
Любитъ шабашъ преступленья,
И кошмары созидаетъ
Въ ликованьи изступленья.

А едва извѣдавъ низость,
И насытившись позоромъ,
Снова вѣритъ въ чью-то близость,
Ищетъ свѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы всѣ идемъ къ чему-то,
Что для насъ непостижимо.
Дверь завѣтная замкнута,
Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
Мы вездѣ найдемъ печали.
Мы—запутанныя строки,
Раздробленныя скрижали.

VIII.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

Змѣй темно-желтый, чье дыханье—ядъ,
Чей смертоносенъ вѣчно-жадный взглядъ,
Глядитъ,—и близъ него дрожитъ блудница,
Волшебная и быстрая, какъ птица.

Онъ мучаетъ, онъ жалитъ безъ конца,
Цвѣтъ жизни прогоняетъ онъ съ лица,

Ея душа его душой могуча,
Шатается, качается, какъ туча.

Гаома желтый, выточи копье,
Пропзи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, какъ кротъ, во мракѣ роясь,
Тебѣ Маздао далъ плеядный поясъ.

Гаома желтый, чистыхъ мыслей другъ,
Закуй меня въ алмазно-твердый кругъ,
Направь свое оружье на блудницу,
Убей скорѣй уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сынъ Земли,
Моей мольбѣ мучительной внемли,
Я падаю, я падаю, нѣмѣя,
Скорѣй убей чудовищнаго змѣя.

IX.

КОНЕЦЪ МІРА.

сонетъ.

Начало жизни, это—утро Мая,
Ея конецъ—отравленный родникъ.
Предсмертнымъ бурямъ вѣчности внимая,
Духъ человѣка въ ужасѣ поникъ.

Въ устахъ, ко лжи привыкшихъ, сдавленъ крикъ.
Позоръ паденья ярко понимая,
Умъ видитъ алчныхъ духовъ адскій ликъ.
Тоска—вездѣ—навѣкъ—тоска нѣмая.

Могильнымъ блескомъ вспыхнулъ сѣрный зной,
И души, какъ листы цвѣтовъ лѣсные,
Горятъ,—кипитъ, свиститъ пожаръ лѣсной.

И сводъ небесъ, какъ куполъ вырѣзной,
Не звѣздами заискрился впервые,
А гнилостью, насмѣшкой надъ весной.

X.

ВЪ АДУ.

Если, медленно падая,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демоновъ радуя,
Оттѣняютъ чудовищность мглы,—

Мнѣ всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые—мнѣ все—наяву.

Вижу всю преисподнюю,
Боль ростетъ и не ждетъ.
Но славлю я благость Господнюю!
Это было! Онъ въ адъ снизойдетъ!

Эта мгла—не обманная,
Лжи въ страданіяхъ нѣтъ.
Привѣтъ новизнѣ! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лѣтъ!

СТРАНА НЕВОЛИ

Verdugo es mi pensamiento.
Calderon

Моя мысль—палачъ.
Кальдеронъ

I.

СТРАНА НЕВОЛИ.

Coët-an-dle. Coët-an-nôs.
Bois du jour, bois de la nuit.
Villiers.

Я попалъ въ страну Неволи. Ѣду ночью,—всюду лѣсъ,
Ѣду днемъ,—и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь небесъ.
Въ ограниченномъ пространствѣ, межь вершинами и мной,
Лишь летучія свѣтлянки служатъ солнцемъ и луной.
Промелькнутъ, блеснутъ, исчезнутъ,—и опять зеленый мракъ,
И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
Промелькнутъ, сверкнутъ, погаснутъ,—и на мигъ въ душѣ моей
Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память прошлыхъ дней.
И тогда въ узорахъ вѣтокъ ясно вижу предъ собой
Письмена нѣмыхъ проклятій, мнѣ нашептанныхъ Судьбой.
О безбрежность, неизбѣжность непонятнаго пути!
Если каждый шагъ—ошибка, кто же мнѣ велѣлъ идти?
Развѣ я своею волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?
Развѣ я не задыхаюсь, если въ сердцѣ грѣхъ несу?
Развѣ мнѣ не страшно биться между спутанныхъ вѣтвей?
Врагъ? Откликнись! Нѣтъ отвѣта, нѣтъ луча душѣ моей.
И своимъ же восклицаньемъ я испуганъ въ горькій мигъ,—
Если кто мнѣ отзовется, это будетъ мой двойникъ.
А во тьмѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго лица.
Я попалъ въ страну Неволи...

Нѣтъ конца.

II.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и много иного.
Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!
Гдѣ, какъ не въ ней,
Замыслы встали безмѣрною тучей,
Нѣжность возникла усладой пѣвучей,
Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,
Вспышки и блески различныхъ огней,—
Гдѣ, какъ не въ ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо не тамъ,
Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
Гдѣ создаю я и снова создамъ
Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
Пламенный знакъ моего постоянства.
Небо—въ душевной моей глубинѣ,
Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
Дивно и жутко—уйти въ запредѣльность,
Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
Всё въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
Только душѣ я молитвы пою,
Только одну я люблю безпредѣльность,
Душу мою!

2.

Но дикій ужасъ преступленія,
Но искаженныя черты,—
И это все твои видѣнія,
И это—новый—страшный—ты?

Въ тебѣ рождается величіе,
Ты можешь бурями гремѣть,
Изъ блѣдной бездны безразличія
Извлечь и золото и мѣдь.

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачѣмъ ты любишь все могильное,
И всюду сѣешь смерть одну?

И въ равнодушіи надменности,
Свой духъ безмѣрно возлюбя,
Ты создаешь оковы плѣнности:
Мечту—рабу самой себя?

Ты—блескъ, ты—геній безконечности,
Въ тебѣ вся пышность бытія.
Но знакъ твой, страшный символъ Вѣчности—
Кольцеобразная змѣя!

Зачѣмъ чудовище—надъ бездною,
И звѣрь въ лѣсу, и дикій вой?
Зачѣмъ міры, съ ихъ славой звѣздною,
Несутся въ пляскѣ гробовой?

3.

Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобы можно было жить!
Душою тамъ, я сердцемъ—здѣсь.
А сердце какъ смирить?
Я узелъ долженъ видѣть весь.
Но какъ распутать нить?

Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ,—
Раздавленъ муравей.
Я въ мірѣ всѣмъ невольный врагъ,
Всей жизнію своей,
И не могу не быть,—никакъ,
Вплоть до исхода дней.

Мое недѣланье для всѣхъ
Покажется большимъ.
Проникновенный тихій смѣхъ
Развѣется какъ дымъ.
А буду смѣлъ,—замучу тѣхъ,
Кому я былъ роднымъ.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волковъ,
Среди могильной душной тьмы
Хрипѣнье стариковъ,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой враговъ.—

Забытый раненый солдатъ,
И стая хищныхъ птицъ,
Отца косой на сына взглядъ,

Развратный гулъ столицъ,
Толпы глупцовъ, безумный рядъ
Животно-мерзкихъ лицъ.—

И что же? Я ли создалъ ихъ?
Или они меня?
Поэтъ ли я, сложившій стихъ,
Или побѣгъ отъ пня?
Кто демонъ низостей моихъ
И моего огня?

Отъ этихъ тигровыхъ страстей,
Змѣиныхъ чувствъ и думъ,—
Какъ стукъ кладбищенскихъ костей
Въ душѣ зловѣщій шумъ,—
И я бѣгу, бѣгу людей,
Среди людей—самумъ.

III.

* * *

Стучи, тебѣ откроютъ. Проси, тебѣ дадутъ.
— О, Боже! Для чего же назначенъ Страшный Судъ?

IV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Мы лежимъ на холодномъ и грязномъ полу,
Присужденные къ вѣчной тюрьмѣ.
И упорно и долго глядимъ въ полумглу,—
Ничего, ничего въ этой тьмѣ!

Только зыбкіе отсвѣты блѣдныхъ лампадъ
Съ потолка устремляются внизъ.
Только длинныя шаткія тѣни дрожатъ,
Протянулись—качнулись—слились.

Позабыты своими друзьями, въ странѣ,
Гдѣ лишь варвары, звѣри да ночь,
Мы забыли о Солнцѣ, Звѣздахъ, и Лунѣ,
И никто намъ не можетъ помочь.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы,
Насъ желѣзное давитъ кольцо,
И какъ духи чумы, какъ рожденія тьмы,
Мы не видимъ другъ друга въ лицо!

V.

ИЗБРАННЫЙ.

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
Сынъ Солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь.
Но предки за спиной, и духъ мой искаженный—
Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

Узоры пестрые прорѣзаны глубоко.
Хочу ихъ смыть: Нельзя. Умъ шепчетъ: Перестань.
И, съ дикимъ бѣшенствомъ, я въ омуты порока
Бросаюсь радостно, какъ хищный звѣрь на лань.

Но, рынку дань отдавъ, его божбѣ и давкамъ,
Я снова чувствую всю близость къ Божеству.
Кого-то раздробивъ тяжелымъ томагавкомъ,
Я мной убитаго съ отчаяньемъ зову.

VI.

РАНЕНЫЙ.

Я на смерть пораженъ своимъ созпаньемъ,
Я раненъ въ сердце разумомъ моимъ.
Я неразрывенъ съ этимъ мірозданьемъ,
Я создалъ міръ со всѣмъ его страданьемъ.
Струя огонь, я гибну самъ, какъ дымъ.

И понимая всю обманность чувства,
Игру тѣней, рожденныхъ въ мірѣ мной,
Я, какъ поэтъ, постигнувшій искусство,
Не восхищенъ своею глубиной.

Я сознаю, что грѣхъ, и тьма во взорѣ,
И топь болотъ, и синій небоклонъ,
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сонъ.

Но, видя въ жизни знакъ безбрежной воли,
Создатель, я созданьемъ не любимъ.
И, весь дрожа отъ нестерпимой боли,
Живя у самого себя въ неволѣ,
Я раненъ на смерть разумомъ моимъ.

VII.

ПРОКЛЯТІЕ ГЛУПОСТИ.

СОНЕТЪ.

Увѣчье, помѣшательство, чахотка,
Падучая, и бездна всякихъ золъ,
Какъ части міра, я терплю васъ кротко,
И даже въ васъ я таинство нашелъ.

Для тѣхъ, кто любитъ чудищъ, все находка,
Иной среди звѣрей всю жизнь провелъ,
И какъ для закоснѣлыхъ пьяницъ—водка,
Въ гармоніи мнѣ дорогъ пропзволъ.

Люблю я въ мірѣ скрипъ всемірныхъ осей,
Крикъ коршуна на сумрачномъ откосѣ,
Дорогъ житейскихъ рытвины и гать.

На всемъ своя—для взора—позолота.
Но мерзокъ сердцу обликъ идіота,
И глупости я не могу понять!

VIII.

УРОДЫ.

СОНЕТЪ.

Я горько васъ люблю, о бѣдные уроды,
Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
Ладьи, разбитыя веселостью волны.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И змѣй и ящериц отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убійство, и бѣда,
Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, блаженнаго всегда,
Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

IX.

БАБОЧКА.

Залетѣвшая въ комнату бабочка бьется
О прозрачныя стекла воздушными крыльями.
А за стеклами небо родное смѣется,
И его не достичь никакими усильями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Изъ цвѣтистой становится тусклая, блѣдная.
Что же плѣнницѣ дѣлать еще остается?
Только биться и блекнуть! О, жалкая, бѣдная!

X.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДѢВА.

Въ день октября, иначе листопада,
Когда безплодьемъ скована земля,
Шла дѣва чрезъ пустынныя поля.
Невѣрная, она съ душой номада
Соединяла дивно-чуткій слухъ:
Въ прекрасно-юномъ тѣлѣ ветхій духъ.

Ей внятенъ былъ звукъ вымершихъ проклятій,
Призывы оттѣсняемыхъ враговъ,
И ропотъ затопленныхъ береговъ,
Намекъ невоплотившихся зачатій,
Напѣвъ міровъ, толпящихся окрестъ,
Дрожанія незасвѣченныхъ звѣздъ.

Но дѣва съ утомленными глазами,
Внимая всѣмъ, кричащимъ вкругъ нея,
Лелѣяла безмолвіе свое.
Понявъ одно за всѣми голосами,
Безгласно холодѣла, какъ земля,
И шла впередъ, чрезъ мертвыя поля.

XI.

* * *

Сквозь міръ случайностей, къ живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайнымъ лѣстницамъ взбираясь къ высотѣ,
Крылатымъ коршуномъ повисши въ пустотѣ,
Мой духъ измѣнчивый стремится каждый мигъ,
Все ищетъ, молится: „О, гдѣ же мой родникъ?
„Весь міръ случайностей отдамъ я за него,
„За оправданіе мечтанья моего,
„За радость впить въ себя огни его лучей,
„За исцѣленіе отъ старости моей".

ВОЗЛѢ ДЫМА И ОГНЯ

Quién sois vos que hablais ansi?
—Un compuesto de contrarios.
Tirso de Molina

Кто ты, чтобъ такъ говорить?
—Сложность противорѣчій.
Тирсо де Молина

I.

КУЗНЕЦЪ.

Ты видала кузнеца?
Онъ мнѣ нравится, мой другъ.
Этотъ темный цвѣтъ лица,
Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
Эта близость отъ огня,
Этотъ молотъ, этотъ стукъ,—
Все въ немъ радуетъ меня,
Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
Я, работая, пою,
Съ запылившимся лицомъ
Я смотрю на жизнь мою,
Возлѣ дыма и огня
Много словъ я создаю,
Въ этомъ радость для меня,—
Я кую!

II.

ВЫШЕ, ВЫШЕ.

Я коснулся душъ чужихъ,
Точно струнъ, но струнъ моихъ.
Я въ нихъ чутко всколыхнулъ
Тихій звонъ, забытый гулъ.

Все обычное прогналъ,
Легкимъ стономъ простопалъ,
Бросилъ съ неба имъ цвѣты,
Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
Свѣтлымъ преданный страстямъ,
Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крылъ
Отуманилъ, опьянилъ,
По обрывамъ ихъ помчалъ,
Забаюкалъ, закачалъ.

Выше, выше, все за мной,
Насладитесь вышиной,
Попадитесь въ сѣть мою,
Я пою, пою, пою.

III

МОЯ ДУША.

Моя душа оазисъ голубой,
Средь блѣдныхъ душъ другихъ людей, безсильныхъ.
Роскошный сонъ ниспосланъ мнѣ судьбой,
Среди пустынь, томительныхъ и пыльныхъ.

Вездѣ пески. Свистя, бѣжитъ самумъ.
Лазурь небесъ укрылася въ туманы.
Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
Ко мнѣ сквозь мглу подходятъ караваны.

Веселые, раскинулись на мигъ,
Пришли, ушли, до новаго свиданья,
Въ своей душѣ лелѣютъ мой двойникъ,
Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь одинъ, я вновь живу собой,
Мнѣ снится радость вѣчно молодая.
Моя душа оазисъ голубой,
Мои мечты цвѣтутъ, не отцвѣтая.

IV.

ДУХЪ ВОЛНЫ.

Я слушалъ Море много лѣтъ,
Свой духъ ему предавъ.
Въ моихъ глазахъ мерцаетъ свѣтъ
Морскихъ подводныхъ травъ.

Я отдалъ Морю сонмы дней,
Я отдалъ ихъ сполна.
И съ каждой пѣсней все слышнѣй
Въ моихъ словахъ—волна.

Волна стозвучная того,
Чѣмъ полонъ Океанъ,
Гдѣ все—и юно, и мертво,
Все правда и обманъ.

И я, какъ духъ волны морской,
Среди людей брожу;

Своей пѣвучею тоской
Я всѣхъ заворожу.

Огнемъ зелено-сѣрыхъ глазъ
Мнѣ чаровать дано.
И много душъ въ завѣтный часъ
Я увлеку на дно.

И въ этой мглѣ морского дна,
Нѣжнѣй, чѣмъ воды рѣкъ,
Имъ будетъ сниться вышина,
Погибшая навѣкъ.

V.

ВѢНЧАНІЕ.

Надъ невѣстой молодою
Я держалъ вѣнецъ.
Любовался, какъ мечтою,
Этой нѣжной красотою,
Этой легкою фатою,
Этимъ свѣтлымъ „Наконецъ!"

Наконецъ она сумѣла
Вызвать лучшій сонъ.
Все смѣялось въ ней и пѣло.
А съ церковнаго придѣла,
Съ высоты на насъ глядѣла
Красота нѣмыхъ оконъ.

Мы вошли въ лучахъ привѣта
  Гаснущей зари.
Въ мигъ желаннаго обѣта,
Насъ ласкали волны свѣта,
Какъ безгласный звукъ завѣта:—
„Я горю, и ты гори!“

И въ рукѣ у новобрачной
  Теплилась свѣча.
Но за ней, мечтою мрачной,
Неумѣстной, неудачной,
Надъ фатой ея прозрачной,
Я склонялся, у плеча.

Вкругъ святого аналоя
  Трижды путь пройденъ.
Нѣтъ, не будетъ вамъ покоя,
Будутъ дни дождей и зноя,
Я пою, за вами стоя:—
„Духъ кружиться присужденъ!“

Да, я знаю сладость, алость,
  Нѣжность влажныхъ губъ.
Но еще вѣрнѣй усталость,
Ожиданье, запоздалость,
Вмѣсто страсти—только жалость,
Вмѣсто ласки—съ трупомъ трупъ.

Вотъ, свершенъ обрядъ вѣнчальный,
  И закатъ погасъ.
Точно хаосъ изначальный,
Въ церкви сонъ и мракъ печальный.
Ты вошла съ зарей прощальной,
Ты выходишь въ темный часъ.

VI.

ВО ВЛАСТИ ВСѢХЪ ВЕЩЕЙ.

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей,
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царственно ничей.

Восторгъ придетъ,—и пьяный я. Придетъ тяжелый трудъ.
Смотрите: всѣ бѣжали прочь. Взгляни: я, вѣрный, тутъ.

Заблудшую собаку я увижу предъ собой,
Со звѣремъ звѣрь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всѣхъ, кто чувствовалъ бездонную тоску,
И вдругъ вернись къ безстрастію, какъ свѣтлый дождь въ рѣку.

Въ великое Безликое уйди какъ бы навѣкъ,
Хотя безъ насъ тамъ каждый часъ такъ много-много рѣкъ.

И, вѣчно твой, всегда съ тобой, не измѣню судьбѣ.
Но въ страшный мигъ, о, милый другъ, я не приду къ тебѣ.

VII.

БРЕТАНЬ.

сонетъ.

Затянутъ мглой свинцовый небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь острововъ Аръ-Гентилесъ-Руссотъ,
Какъ звѣри, притаились въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ Океанѣ,
По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
И, полный изумленья, въ видѣ дани,
На нихъ свой свѣтъ неясный Мѣсяцъ льетъ.

Какъ сонмы лицъ, глядятъ толпы утесовъ,
Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
Они идутъ. Гляди! Въ тиши ночной
Идутъ туманы блѣдной пеленой.

VIII.

УТОПЛЕННИКИ.

сонетъ.

Лишь только тамъ, на западѣ, въ туманѣ,
Утонетъ свѣтъ поблекшаго дня,
Мои мечты, какъ мертвые въ Бретани,
Неумолимо бродятъ вкругъ меня.

Надежды, осужденныя заранѣ,
Признанія, умершія—стеня,
Утопленники въ темномъ Океанѣ,
Погибшіе навѣкъ изъ-за меня.

Они хотятъ, въ забвеніе обиды,
Молитвъ заупокойной панихиды.
Моихъ молитвъ, о, Боже, не отринь!—

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мнѣ? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

IX.

ПРОПОВѢДНИКАМЪ.

СОНЕТЪ.

Есть много струй въ подлунномъ этомъ мірѣ,
Ключи поютъ въ пещерахъ, гдѣ темно,
Звеня, какъ духъ, на семиструнной лирѣ,
О томъ, что духамъ пѣнье суждено.

Намъ въ звонахъ наслажденіе одно,
Мы духи струнъ міровыхъ на шумномъ пирѣ.
Но вамъ, врагамъ, понять насъ не дано,
Для рѣкъ въ разливѣ надо русла шире.

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
Проповѣдей вы ждете отъ поэта?
Я проповѣдь скажу на благо свѣта.—

Не скукой словъ, давно извѣстныхъ всѣмъ,
А звучной полногласностью сонета.
Не найденной пока еще никѣмъ!

X.

ХВАЛА СОНЕТУ.

СОНЕТЪ.

Люблю тебя, законченность сонета,
Съ надменною твоею красотой,
Какъ правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей станъ воздушный, съ грудью молодой,
Хранитъ сіянье матоваго свѣта,
Въ волнѣ волосъ недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодѣта.

Да, истинный сонетъ таковъ, какъ ты,
Пластическая радость красоты,—
Но иногда онъ мститъ своимъ напѣвомъ.

И не однажды въ сердце поражалъ
Сонетъ несущій смерть, горящій гнѣвомъ,
Холодный, острый, мѣткій, какъ кинжалъ.

XI.

Я НЕ ИЗЪ ТѢХЪ.

СОНЕТЪ.

Я не изъ тѣхъ, чье имя легіонъ,
Я не изъ царства духовъ безъимянныхъ.
Пройдя пути среди равнинъ туманныхъ,
Я увидалъ безбрежный небосклонъ.

Въ моихъ зрачкахъ—лишь мнѣ понятный сонъ,
Въ нихъ міръ видѣній зыбкихъ и обманныхъ,
Такихъ же безъ конца непостоянныхъ,
Какъ дымка, что скрываетъ горный склонъ.

Ты думаешь, что въ тающихъ покровахъ
Застылъ едва одинъ-другой утесъ?
Глядя: покровъ раскрытъ дыханьемъ грозъ.

И въ цѣпи горъ, для глаза вѣчно-новыхъ,
Какъ глетчеръ, я снѣга туда вознесъ,
Откуда видень міръ въ своихъ основахъ!

XII.

ОЖЕСТОЧЕННОМУ.

Я знаю ненависть, и, можетъ-быть, сильнѣй,
Чѣмъ можетъ знать ее твоя душа больная,
Несправедливая, и полная огней
Тобою брошеннаго рая.

Я знаю ненависть къ звѣрпному, къ страстямъ
Слѣпой замкнутости, къ судьбѣ неправосудной,
И къ этимъ тлѣющимъ кладбищенскимъ костямъ,
Намъ даннымъ въ нашей жизни скудной.

Но, мучимый какъ ты, терзаемый года,
Я связанъ былъ съ тобой безмолвнымъ договоромъ,
И вижу, ты забылъ, что братъ твой былъ всегда
Скорѣй разбойникомъ, чѣмъ воромъ.

Съ врагами—дерзкій врагъ, съ тобой—я вѣчно твой,
Я узнаю друзей въ одеждѣ запыленной.
А ты, какъ леопардъ, укушенный змѣей,
Своихъ терзаешь, изступленный!

XIII.

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Я замкнулся навсегда,
Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
Возникаютъ города,
Замки, башни, и надъ ними
Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цвѣтныя
Безъ конца внушаютъ сны,
Эти стекла расписныя
Мнѣ самой Судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
Обнимаются, любя,
Какъ, упавши на колѣни,
Кто-то молится, скорбя,
Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
Съ непочатой вышины,

Смотритъ огненное око
Неба, Солнца, и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что мнѣ внушаетъ сны.

То, межъ окнами цвѣтными,
На которое смотрю,
Въ часъ когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
Я привѣтствую зарю,
И съ видѣньями родными
Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
Въ часъ заката жадный взоръ,
Въ часъ, когда уходитъ къ раю
Тихій вечеръ на дозоръ,
И лепечетъ: „Обѣщаю,
„Вновь увидишь мой уборъ“.

На другія я съ отрадой
Устремляю ночью взглядъ,
Въ часъ когда живетъ прохладой,
Полный вздоховъ, сонный садъ,
И за призрачной оградой
Свѣтляки межъ травъ горятъ.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
Огнецвѣтные цвѣты,
Надъ ошибками земными
Посмѣваясь съ высоты,
Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Переливчатой мечты.

XIV.

КЪ ДАЛЬНЕМУ.

Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею,
Я знаю этотъ сонъ, мой дальній братъ,
Я медленно, но вѣрно холодѣю,
И, разъ уйдя, я не приду назадъ.

Ты отошелъ въ страну безъ перемѣны,
Оставивши безвольно міръ земной,
А я себѣ свободно создалъ стѣны,
И упоенъ тюремной тишиной.

Есть въ жизни смерть, спокойная, какъ травы,
Хранимыя, на память, за стекломъ,
Изсохшій знакъ утраченной забавы,
Пройденная эпоха, переломъ.

Сѣдыя тѣсно сжатыя видѣнья
До времени съ землей разлучены,
Они забыть не могутъ наслажденья,
И тайно дышутъ запахомъ весны.

Ихъ кто-то чуждый взялъ своей рукою,
И все жъ они блаженствуютъ года.
Такъ какъ же счастливъ я съ моей тоскою,
Полюбленной свободно—навсегда!

XV.

ОТЪ УМЕРШАГО КЪ ЖИВОМУ.

Скажи ему, что я его люблю,
Что я его какъ прежде понимаю,
И, какъ корабль къ чужому кораблю,
Взываю въ часъ, когда я погибаю,—

Къ нему, къ нему, далекому навѣкъ,
Бѣгущему по водамъ Океана,
Чтобъ отдохнуть на устьяхъ мощныхъ рѣкъ,
Средь стройныхъ мачтъ роднаго каравана,—

Межъ тѣмъ какъ я, свой образъ измѣнивъ,
Несоразмѣривъ тяжести влекомой,
Забывъ, что былъ и я, какъ онъ, красивъ,
Склоняюсь къ безднѣ жутко-незнакомой,—

И вѣтры безучастные молю
Протяжностью своихъ предсмертныхъ звоновъ...
Скажи ему, что я его люблю
За то, что онъ—не слышалъ этихъ стоновъ!

XVI.

ОСТРОВЪ ВИЛІЭ-ЛЬЯВОЛА.

Гдѣ-то на островѣ Вилiэ-Льявола,
Души есть, лишь предъ собою преступныя.
Богомъ забытыя, но недоступныя
Обѣтованіямъ лживаго Дьявола.

Имъ захотѣлось разрыва гармоніи:—
Цѣли испортивъ, упиться причинами,
Розы любя, въ ихъ живомъ благовоніи
Смертью мѣняющей встать надъ долинами.

Смертью пытующей, въ вѣчномъ теченіи,
Вѣчною казнью казнить преходящее:—
Все въ отдаленіи, все въ отвлеченіи,
Ярко одно размышленье глядящее.

Вѣдаю, вы ко всему прикоснулися,
Жадныя пчелы, стѣсненныя сотами!
Что же вы тайны своей ужаснулися,
Вы, окруженныя стройными гротами?

Жизнь разлюбившія, чувствомъ уставшія,
Что же самимъ вы себѣ прекословите?
Все усмѣхаясь, какъ что-то понявшія,
Что жь безполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
Свѣтлые духи, съ улыбкой безпечною,
То улыбаетесь съ Моною Лизою,
Міръ осуждая съ игрой его вѣчною.

То прошумите вы звуками Шумана,
Стонами Манфреда, неукротимыми,
Вновь упадете, все передумано,
Снова смѣетесь надъ снами любимыми.

Кинетесь къ слову, кричите Верлэнами,
И возвѣщаете сладость молчанія.

Безперемѣнныя за перемѣнами,
Мигъ вы мучительный, безъ окончанія.

Старость возвратная, вѣчность раскаянья,
Для непостижности жертва закланная.
Самосжиганіе, мудрость отчаянья,
Противорѣчіе, правда обманная.

Безъ покровительства Бога и Дьявола,
Вѣчно томитесь вы, снамъ недоступныя.
О, неподкупныя, души преступныя,
Гдѣ-то на островѣ Вилія-Льявола.

XVII.

ПОСЛѢ БАЛА.

Весь полный розовыхъ и голубыхъ мечтаній,
Овѣянъ душностью влюбляющихъ духовъ,
Весь въ крыльяхъ бабочекъ, въ отливахъ трепетаній
Полусторгнутыхъ, но замедленныхъ словъ,—

Окутанъ звуками заученныхъ мелодій,
Какъ будто созданныхъ мечтой лишь для того,
Чтобъ убаюканнымъ шептаться на свободѣ,
О томъ, что сладостнѣй и вкрадчивѣй всего, —

Весь воплощенная полуночная чара,
Какъ пиръ среди чумы, манящій съ давнихъ поръ,
Какъ странный вымыселъ безумнаго Эдгара,
Для насъ пропѣвшаго навѣки „Nevermore“,—

Нашъ балъ, раскинутый по многошумнымъ заламъ,
Уже закончилъ ликъ сокрытой красоты,
И чѣмъ-то вѣяло холоднымъ и усталымъ
Съ внезапно дрогнувшей надъ нами высоты.

Да, полночь отошла съ своею пышной свитой
Проникновеннѣйшихъ мгновеній и часовъ,
Отъ люстры здѣсь и тамъ упалъ хрусталь разбитый,
И гулъ извнѣ вставалъ враждебныхъ голосовъ.

Измяты, желтизной подернулися лица,
Крыломъ изломаннымъ дрожали вѣера,
Въ сердцахъ у всѣхъ была дочитана страница,
И новый въ окнахъ свѣтъ шепталъ: „Пора! Пора!"

И вдругъ всѣ замерли,—вотъ, скорбно доцвѣтаютъ,
Стараясь продлить молчаньемъ забытье:—
Такъ утромъ демоны колдуній покидаютъ,
Сознавши горькое безсиліе свое.

XVIII.

РАЗЛУКА.

СОНЕТЪ.

Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто меня не любитъ,
Какъ мать-сыра-земля.
Пѣсня бродяги.

Есть люди, присужденные къ скитаньямъ,
Гдѣ бъ ни былъ я,—я всѣмъ чужой, всегда.
Я преданъ перемѣнчивымъ мечтаньямъ,
Подвижнымъ, какъ текучая вода.

Передо мной мелькаютъ города,
Деревни, села, съ ихъ глухимъ страданьемъ.
Но никогда, о, сердце, никогда
Съ своимъ я не встрѣчался ожиданьемъ.

Разлука! Слѣдъ чужого корабля!
Порывъ волны—къ другой волнѣ, несхожей.
Да, я бродяга, топчущій поля.

Уставши повторять одно и то же,
Я падаю на землю. Плачу. Боже!
Никто меня не любитъ, какъ земля!

XIX.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

Пилой поющею подточенъ яркій стволъ
Еще не выжившей свой полный вѣкъ березы.
На землю ниспровергъ ее не произволъ,
Не налетѣвшія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была,
Рукой сознательной для бытія иного: —
Зажечься и горѣть,—блестя, сгорѣть до тла,—
И въ помыслахъ людей теплом зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣетъ и сгоритъ,
Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться: —
Расчетвертована, она измѣнитъ видъ,
Блестящая кора, изсохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
И соки жилъ ея проступятъ точно слезы,
Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
И огненной листвой одѣлся духъ березы!

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться!
— Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

МИМОЛЁТНОЕ

From Isle to isle...
Shelley

Отъ острова къ острову...
Шелли

I.

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы
Ароматныя,
Поцѣлуи и забавы,
Невозвратныя.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ,
Неизвѣстныя,
Тѣни сказокъ обманувшихъ,
Безтѣлесныя.

Все, что манитъ и обманетъ
Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранитъ
Тайной сладкою.

II.

БЛѢДНАЯ ТРАВКА.

Блѣдная травка подъ ветхимъ заборомъ
Къ жизни проснулась въ предутреній часъ,
Міру дивясь зеленѣющимъ взоромъ.
Блѣдная травка, ты радуешь насъ.

Мѣсяцу, воздуху, Солнцу, и росамъ
Ты отдаешься, какъ свѣтлой судьбѣ,
Ты ни однимъ не смутишься вопросомъ,
Не задрожишь въ безъисходной борьбѣ.

Чуть расцвѣтешь, и уже отцвѣтаешь,
Не доживешь до начала зимы.
Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
Ты умираешь отраднѣй, чѣмъ мы.

III.

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ Солнца? Что за вздоръ!
Нѣтъ, не вздоръ.
Въ Солнцѣ звуки и мечты,
Ароматы и цвѣты
Всѣ слились въ согласный хоръ.
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ.

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нѣжно-свѣтлотканными,
Ландышами пьяными,
Что побѣдно расцвѣли
Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтитъ звонами,
Листьями зелеными,
Дышетъ вешнимъ пѣньемъ птицъ,
Дышетъ смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:—
Будетъ вамъ!
Не узрѣть вамъ райскихъ вратъ.
Есть у Солнца ароматъ,
Сладко внятный только намъ,
Зримый птицамъ и цвѣтамъ!

IV.

ГЛУШЬ.

Лугъ—болото—поле—поле,
Надъ рѣчонкой ивы.
Сладко дышется на волѣ,
Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь нѣжитъ глазъ и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала гдѣ-то муха,
Шмель гудитъ тяжелый.

Всюду—божія коровки,
Розовыя кашки,
Желто-бѣлыя головки
Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, развѣ есть страданья?
Развѣ есть печали?

V.

ЗАТОНЪ.

Когда ты загляпешь въ прозрачныя ьоды затона,
Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
Невнятный намекъ на призывъ колокольнаго звона
Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межь ними себя,
И въ сердцѣ твоемъ за страницею вспыхнетъ страница.
Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не любя.

И будутъ расти ото дна до поверхности влаги
Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
И будутъ расти и мѣняться,—какъ призраки саги
Растутъ, измѣняясь въ значеньи и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и манитъ,
Что тайною чарой нисходитъ съ далекихъ планетъ,
Тебя въ сочетанья свои завлечетъ—и обманетъ,
И сердце забудетъ, что съ ними сліянія нѣтъ.

Ты руку невольно протянешь надъ сонпымъ затономъ,
И вмигъ все безслѣдно исчезнетъ,—и только вдали,
Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

VI.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
Горитъ угрюмо,—онъ, что былъ живымъ
Когда-то!

Тѣсниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
Одна долина свѣтомъ золотымъ
Еще живетъ, блистательно-богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
—О, да, я помню! Да! я былъ живымъ,
Когда-то!

VII.

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
Равнины туманятся, и лѣса необъятные,
Какъ-будто не жившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
На долы печальные, на селенія бѣдныя,
Глядятъ съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ—безвѣстныя,
Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, блѣдныя!

VIII.

РАВНИНА.

Необозримая равнина,
Неумолимая земля,
Лѣса, холмы, болота, тина,
Тоскливо-скудныя поля.

Полгода—холодъ безпощадный,
Полгода—дождь и душный зной,
Расцвѣтъ природы безотрадной
Съ ея убогою весной.

Полупогаснувшіе взоры
Навѣкъ поблекшаго лица,
Неизреченные укоры,
Порабощенность безъ конца.

Невоплощенныя зачатья,—
О, трижды скорбная страна,
Твое названіе—проклятье,
Ты навсегда осуждена.

IX.

МОЛЕБЕНЪ.

Темной толпою, въ часовнѣ убогой,
Путь завершивъ, и предъ новой дорогой,
Суетность нашу забывъ на мгновенье,
Тупо мы слушаемъ сонное пѣнье.

Въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ духъ нашъ взростилъ
Тайное древо невидимыхъ силъ,
Таетъ вздыхающій дымъ отъ кадилъ.

Что-то есть страшное въ этихъ бряцаньяхъ,
Въ этихъ покорныхъ глухихъ восклицаньяхъ,
Молятся звуки и души послушно,
Что же имъ въ узкой часовнѣ такъ душно?

Явственно чувствую горькій упрекъ,
Въ звуки молитвъ проскользнувшій намекъ—
Тайное слышащихъ, дышащихъ строкъ.

Въ потныя стекла не видно лазури,
Въ дверь не проникнутъ ни вѣтры, ни бури,
Силою дней закопчены иконы,
Вѣчны предъ ними безсильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лобъ,
Что-то вѣщаетъ намъ загнанный попъ:—
„Жизнь наша—душная—темная...—Гробъ!“

X.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ.

Узкая полоска синяго Лимана,
Желтая пустыня выжженныхъ песковъ.
Городъ, измѣненный дымкою тумана,
Медленныя тѣни бѣлыхъ облаковъ.

Чахлая трава, измученная зноемъ,
Вдоль прямой дороги сѣрые столбы.
Все здѣсь дышетъ скучнымъ тягостнымъ покоемъ,
Всюду здѣсь недвижность пасмурной судьбы.

Только вѣчный вѣтеръ носится безцѣльно,
Душнымъ дуновеньемъ, духомъ мертвеца.
Только облака проходятъ безпредѣльно,
Скучною толпой проходятъ безъ конца.

XI.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ВЕЧЕРѢ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

О, тихій Амстердамъ,
Съ пѣвучимъ перезвономъ
Старинныхъ колоколенъ!
Зачѣмъ я здѣсь,—не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ,
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звонамъ,
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрезившимъ каналамъ,
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ,
И ласковымъ, и алымъ,
Горящимъ здѣсь и тамъ,
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ

Домовъ и колоколенъ,
Гдѣ, преданный мечтамъ,
Какой-то призракъ боленъ,
Упрекъ сдержать не воленъ,
Тоскуетъ съ долгимъ стономъ,
И вѣчнымъ перезвономъ
Поетъ и здѣсь и тамъ...
О, тихій Амстердамъ!
О, тихій Амстердамъ!

XII.

ИСЛАНДІЯ.

Валуны, и равнины, залитыя лавой,
Сонмы глетчеровъ, брызги горячихъ ключей.
Скалы, полныя грусти своей величавой,
Убѣленныя холодомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣни чахлыхъ деревьевъ, и Море... О, Море!
Волны, пѣна, и чайки, пустыня воды!
Здѣсь забытые скальды, на влажномъ просторѣ,
Пѣли пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
Съ именами желѣзными, духи морей,
Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ перепѣвныхъ донынѣ хранится
Ропотъ бури, и громъ, и ворчанье волны,
Въ нихъ кричитъ альбатросъ, длиннокрылая птица,
Изъ воздушной, изъ мертвой, изъ вольной страны.

АНТИФОНЫ

Je porte dans mon âme le reflet des richesses stériles d'un grand nombre de rois oubliés.

Villiers de l'Isle-Adam

Я ношу въ своей душѣ отраженье безплодныхъ богатствъ многочисленныхъ забытыхъ царей.

Вилье де Лиль-Адамъ

I.

* * *

Намъ нравятся поэты,
Похожіе на насъ,
Священные предметы,
Дабы украсить часъ,—

Волшебный часъ величья,
Когда, себя сильнѣй,
Мы цѣнимъ безъ различья
Сверканья всѣхъ огней,—

Цвѣты съ любымъ узоромъ,
Расцвѣты всѣхъ началъ,
Лишь только бъ нашимъ взорамъ
Ихъ пламень отвѣчалъ,—

Лишь только бъ съ нашей бурей
Сливался онъ въ одно,
Отъ неба или фурій,—
Не все ли намъ равно!

II.

КЪ ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ.

О, Гермесъ Трисмегистъ, троекратно великій учитель,
Богъ наукъ и искусствъ и души роковой искуситель!

Ты мнѣ передалъ власть возрождать то, что сердце забыло,
Какъ Египетъ весной возрожденъ отъ разлитія Нила.

Отъ разлитья рѣки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносятъ расцвѣтъ не случайный.

Недостойный металлъ въ блогородный могу превращать я,
Отъ тебя воспринявъ драгоцѣнныя чары заклятья.

Отъ тебя получилъ я ту влагу цѣлебную жизни,
Что меня навсегда пріобщаетъ къ небесной отчизнѣ.

И во имя тебя я безсмертіе всѣмъ обѣщаю,
И умершихъ людей я къ загробнымъ мірамъ пріобщаю.

Ты со мною вездѣ и безгласно твердишь о святынѣ,
Какъ глубокій покой задремавшей Ливійской пустыни.

Ты въ вѣцѣ изъ огня предо мною, о, богъ многоликій,
О, Гермесъ Трисмегистъ, о, мудрецъ троекратно великій!

III.

КЪ БОДЛЭРУ.

Какъ страшно-радостный и близкій мнѣ примѣръ,
Ты все мнѣ чудишься, о, царственный Бодлэръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ, и химеръ!

Ты, павшій въ пропасти, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тяжкій желтый сплинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знавшій Женщину, какъ демона мечты,
Ты, знавшій Демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты, въ чей богатый духъ навѣкъ перелита
Въ одну симфонію трикратная мечта:
Благоуханія, и звуки, и цвѣта!

Ты, духъ блуждающій въ разрушенныхъ мірахъ,
Гдѣ привидѣнія другъ въ другѣ будятъ страхъ,
Ты, черный, призрачный, отверженный монахъ!

Пребудь же призракомъ навѣкъ въ душѣ моей,
Съ тобой дай слиться мнѣ, о, магъ и чародѣй,
Чтобъ я безъ ужаса могъ быть среди людей!

IV.

КЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Нѣтъ, не за то тебя я полюбилъ,
Что ты поэтъ и полновластный геній,
Но за тоску, за этотъ страстный пылъ
Ни съ кѣмъ нераздѣляемыхъ мученій,
За то, что ты нечеловѣкомъ былъ.

О, Лермонтовъ, презрѣніемъ могучимъ
Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ,
Ты былъ подобенъ молніямъ и тучамъ,
Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ,
Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвучимъ.

И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ съ ничтожными сердцами,
И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
Ты говорилъ: „Нѣтъ, я уже не съ вами!“
Ты говорилъ: „Какъ душно мнѣ средь васъ!“

V.

ГИПЕРБОРЕИ.

За горами Рипейскими, гдѣ-то на сѣверъ отъ Понта,
Въ странахъ мирныхъ и ясныхъ, гдѣ нѣтъ ни вѣтровъ, ни страстей,
Отъ нескромныхъ укрытыя свѣтлою мглой горизонта,
Существуютъ издревле селенья блаженныхъ людей.

Не безсмертны они, эти люди съ блистающимъ взглядомъ,
Но они непохожи на насъ, утомленныхъ грозой,
Эти люди всегда отдаются невиннымъ усладамъ,
И питаются только цвѣтами и свѣжей росой.

Почему имъ однимъ предоставлена яркая слава,
Безмятежность залива, въ которомъ не пѣнится валъ,
Почему неизвѣстна имъ нашихъ мученій отрава,
Этой тайны святой самый мудрый изъ насъ не узналъ.

Не безсмертны они, эти люди, межъ нами—другіе,
Но помногу вѣковъ предаются они бытію,
И, насытившись жизнью, бросаются въ воды морскія,
Унося въ глубину сокровенную тайну свою.

VI.

СТРАНА ИССЕДОНОВЪ.

Сіе пріятное баснословіе..
Карамзинъ.

На востокъ отъ аргиппеевъ,
Тамъ, въ Татаріи Великой,
Змѣй живетъ, краса всѣхъ змѣевъ,
Многочудный, многоликій.

Тамъ, безъ тягостныхъ законовъ,
Въ заколдованной долинѣ,
Жило племя исседоновъ,
Говорятъ, живетъ донынѣ.

Судьбы ихъ—гіероглифы,
Край ихъ—золотомъ богатый,
И таинственные грифы
Стерегутъ тотъ край заклятый.

Восемь мѣсяцевъ—цѣлебный
Холодъ дышетъ надъ страною,
И летаетъ змѣй волшебный,
И мерцаетъ чешуею.

Кто туда неосторожно
Изъ другой страны заглянетъ,
Тотъ,—преданіе неложно,—
Въ изумленьи камнемъ станетъ.

Всѣ пути туда закляты,
Возлѣ самаго преддверья
Льды восходятъ, какъ палаты,
Снѣгъ и градъ, какъ пухъ и перья.

Камни, золото, и холодъ,
Закаленная природа,
И никто ни старъ, ни молодъ,
Непзмѣнно въ годъ изъ года.

Только змѣй въ игрѣ извивовъ,
Золотисто-изумрудный,
Измѣняетъ цвѣтъ отливовъ,
Многоликій, многочудный.

VII.

ИЗБРАННИКУ.

Отчего такъ безплодно въ душѣ у тебя
Замолкаютъ созвучья міровъ?
Отчего, не любя ни другихъ, ни себя,
Ты печаленъ, какъ пѣсня безъ словъ?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
Отдаленныхъ небесныхъ глубинъ.
Пробудись и возстань, и воздушную ткань,
Развернувъ, созерцай не одинъ.

О, раскрой передъ нами узоры мечты,
Загорѣвшейся въ сердцѣ твоемъ!
Покажи намъ черты сверхземной красоты,
Мы полюбимъ ее и поймемъ!

Тѣ же мысли у каждаго дремлютъ въ тиши,
И мгновенья завѣтнаго ждутъ.
О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цвѣты расцвѣтутъ.

Мы отвѣтимъ какъ Море на ласку Луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:—
Мы какъ брызги волны изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу!

VIII.

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Непогибающихъ садовъ.

IX.

ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

ГИМНЪ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрія. Гаома—богъ Безсмертья,
Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
И Тистрія—молніеносныхъ Бурь.

Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
Онъ создалъ все, въ чемъ знаніе и жизнь.
Молитва—дочь его: святое слово—
Его душа; святое помышленье
Есть лучъ отъ Солнца правды запредѣльной,
Есть отзвукъ сочетаній міровыхъ,
Проникновенный взглядъ Агурамазды.
Воздайте же Всевышнему хвалу!
О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
Агура, пышно-царственный властитель!
Датаръ, создатель свѣта, богъ огня!
Всевидящій, всевѣдущій, Маздао!

X.

ОТТУДА.

Я обѣщаю вамъ сады...
Коранъ.

Я обѣщаю вамъ сады,
Гдѣ поселитесь вы навѣки,
Гдѣ свѣжесть утренней звѣзды.
Гдѣ спятъ нешепчущія рѣки.

Я призываю васъ въ страну,
Гдѣ нѣтъ печали, ни заката,
Я посвящу васъ въ тишину,
Откуда къ бурямъ нѣтъ возврата.

Я покажу вамъ то, одно,
Что никогда вамъ не измѣнитъ,
Какъ камень, канувшій на дно,
Верховныхъ волнъ собой не вспѣнитъ.

Идите всѣ на зовъ звѣзды,
Глядите, я горю предъ вами.
Я обѣщаю вамъ сады
Съ неомраченными цвѣтами.

XI.

ЛУНА.

O sovereign mistress of true melancholy
Shakspeare.

Луна богата силою внушенья,
Вокругъ нея всегда витаетъ тайна.
Она намъ вторитъ: „Жизнь есть отраженье,
„Но этотъ призракъ дышетъ не случайно".

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
Она ласкаетъ, странно такъ волнуя,
И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
Вліяньемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двухнедѣльной,
И новымъ полновластнымъ возсіяньемъ,
Она твердитъ о грусти не безцѣльной,
О томъ, что свѣтъ насъ ждетъ за умираньемъ.

Но насъ маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула въ блѣдной дали,
Красавица тоски безперемѣнной,
Верховная владычица печали!

XII.

ТУЧИ.

Но развѣ тучи не рабы?
Случевскій

Нѣтъ рабства въ мірѣ, если все—одно.
Самъ создалъ я неправду міроздапья,
Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
Вернуться вновь къ таинственной чертѣ,
Гдѣ приметъ все иныя очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли—вотъ, уже не тѣ.
Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Роняютъ тѣнь на долы, на дубравы,
Ихъ свѣтелъ путь, ихъ манитъ гулъ борьбы,
И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣтъ, ты неправъ! Нѣтъ, тучи не рабы!

XIII.

* * *

Я въ глазахъ у себя затаилъ
Отраженье сокровищъ чужихъ,
Красоту позабытыхъ могилъ,
И другимъ недосказанный стихъ.

Я въ душѣ у себя отыскалъ
Гармонически бьющій родникъ:
Этихъ струй уже кто-то алкалъ,
Но губами онъ къ нимъ не приникъ.

Оттого-то въ словахъ у меня
Такъ загадочно много огней:—
Я закатъ непогасшаго дня,
Я потомокъ могучихъ царей.

ПРОГАЛИНЫ

Wyście jak przepaści, a w głębiach
waszych tajnie ukryte błękitu.
Zygmunt Krasiński

Вы какъ пропасти, а въ глубинахъ
вашихъ скрыты тайны лазури.
Зигмунтъ Красинскій

I.

ПУТЬ ПРАВДЫ.

СОНЕТЪ.

Пять чувствъ—дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
Когда намъ истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющаго глаза
Горитъ узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
Изъ угля чернаго—рожденіе алмаза.
Намъ правда каждый разъ—сверхчувственно дана,
Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждаго есть міръ незримыхъ чаръ,
Какъ въ каждомъ деревѣ зеленомъ есть пожаръ,
Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спитъ,
И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
Тебя нежданное такъ ярко ослѣпитъ.

II.

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
Я замедлилъ у пути,
Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
Долженъ будетъ расцвѣсти.

Освященный ножъ доставши,
Очертилъ заклятый кругъ;
Возлѣ скатерть разостлавши,
Жду. Но чу! Шипящій звукъ!

Это дьяволы толпою
Собрались вокругъ меня,
Смотрятъ, манятъ за собою,
Брызжутъ искрами огня.

Но безстрастный, безучастный,
Я стою въ своемъ кругу.
Съ этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшенъ ликъ ихъ искаженный,
И сильнѣй горятъ огни.

Но въ груди сдержавъ волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду завѣтнаго мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
Что блеститъ однажды въ годъ,
Златоцвѣтный и цѣлебный,
На мгновенье расцвѣтетъ.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчасъ папоротникъ сонный
Озаритъ кругомъ траву.

Я пройду толпу видѣній,
Безъ оглядки убѣгу,
И источникъ наслажденій
Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
Драгоцѣнный амулетъ
Будетъ мнѣ свѣтить, какъ ясный,
Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣряясь этой жгучей
И таинственной звѣздѣ,
Я пройду, какъ духъ могучій,
По землѣ и по водѣ.

Мнѣ понятны будутъ строки
Ненаписанныхъ страницъ
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Ослѣпительной мечты,
Для него восторгъ таится,
Для него цвѣтутъ цвѣты!

III.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

СОНЕТЪ.

Богъ входитъ въ существа, какъ Солнце сквозь окно,
Когда оно встаетъ за гранью кругозора.
Откроемъ занавѣсъ, намъ всѣмъ свѣтить дано,
Быть жгучими, любить, быть частію узора.

Неногасимъ огонь внимательнаго взора,
Неисчерпаемъ блескъ того, что суждено.
Ликъ Солнца возстаетъ въ безличьи кругозора,
И весь различный міръ скрѣпляетъ онъ въ одно.

Туманы превративъ въ разорванныя тучи,
Токъ огненныхъ полосъ коснулся вышнихъ горъ,
И въ глубину долинъ, свѣтясь, глядятся кручи.

Тамъ нѣжный сонъ садовъ, тамъ синій свѣтъ озеръ,
И пробужденья чувствъ, несознанно-могучи,
Сливаютъ шумъ листвы въ одинъ протяжный хоръ.

IV.

И ДА, И НѢТЪ.

1.

И *да*, и *нѣтъ*—здѣсь все мое,
Пріемлю боль—какъ благостыню,
Благославляю бытіе,
И если создалъ я пустыню,
Ея величіе—мое!

2.

Весенній шумъ, весенній гулъ природы
Въ моей душѣ звучитъ не какъ призывъ.
Среди живыхъ—лишь люди не уроды,
Лишь человѣкъ хоть частію красивъ.

Онъ можетъ мнѣ сказать живое слово,
Онъ полонъ бездиъ мучительныхъ, какъ я.
И только въ немъ ежеминутно ново
Видѣніе земного бытія.

Какое счастье думать, что сознаньемъ,
Надъ смутой горъ, морей, лѣсовъ, и рѣкъ,
Надъ мчащимся въ безбрежность міроздаиьемъ,
Царитъ непобѣдимый человѣкъ.

О, вѣрю! Мы повсюду бросимъ сѣти,
Средь міровыхъ неистощимыхъ водъ.
Предъ будущимъ теперь мы только дѣти.
Онъ—нашъ, онъ—нашъ, лазурный небосводъ!

3.

Страшны мнѣ звѣри, и черви, и птицы,
Душу томитъ мнѣ животный ихъ сонъ.
Нѣтъ, я люблю только бѣглость зарницы,
Вѣтеръ и моря глухой перезвонъ.

Нѣтъ, я люблю только мертвыя горы,
Листья и вѣчно-нѣмые цвѣты,
И человѣческой мысли узоры,
И человѣка родныя черты.

4.

Лишь демоны, да геніи, да люди,
Современемъ заполнятъ всѣ міры,
И выразятъ въ неизреченномъ чудѣ
Весь блескъ еще не снившейся игры,—

Когда, уразумѣвъ себя впервые,
Съ душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластныя стихіи:—
Земля, Огонь, и Воздухъ, и Вода.

5.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
До сказочныхъ планетъ, гдѣ день длиннѣй, чѣмъ вѣкъ,
Все—тонкіе штрихи законченной картины,
Все—тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума—широкія дороги,
Всѣ вспышки страстныя—подъемные мосты,
И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
Мы все-таки дойдемъ до нужной высоты.

То будетъ лучшій мигъ безбрежныхъ откровеній,
Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь туманъ,
На насъ изъ хаоса безчисленныхъ явленій
Вдругъ глянетъ снившійся, но скрытый Океанъ.

И цѣль пути понявъ, счастливые навѣки,
Мы всѣ благословимъ раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенныя рѣки,
Своими устьями, любя, прильнемъ къ Нему.

6.

То будетъ таинственный мигъ примиренія,
Все въ мірѣ воспримете восторгъ красоты,
И будетъ для взора не три измѣренія,
А столько же, сколько есть сновъ у мечты.

То будетъ мистическій праздникъ сліянія,
Всѣ краски, всѣ формы измѣнятся вдругъ,
Все въ мірѣ воспримете восторгъ обаянія,
И воздухъ, и Солнце, и звѣзды, и звукъ.

И демоны, встрѣтясь съ забытыми братьями,
Съ которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встрѣтятъ другъ друга объятьями,—
И день не умретъ никогда, никогда!

7.

Будутъ игры безпредѣльныя,
Въ упоительности цѣльныя,
Будутъ пѣсни колыбельныя,
Будемъ въ шутку мы грустить,
Чтобы съ новымъ упоеніемъ,
За обманчивымъ мгновеніемъ,
Снова ткать съ протяжнымъ пѣніемъ
Переливчатую нить.

Нить мечтанья безконечнаго,
Безпечальнаго, безпечнаго,
И мгновеннаго и вѣчнаго,
Будетъ вся въ живыхъ огняхъ,

И, какъ призраки влюбленные,
Какъ-то сладко-утомленные,
Мы увидимъ—измѣненныя—
Наши лица—въ нашихъ снахъ.

8.

Идеи, образы, изображенья, тѣни,
Вы, внизъ ведущія, но пышныя ступени,—
Какъ змѣй сквозь васъ віясь, я васъ люблю равно,
Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики въ сосудѣ драгоцѣнномъ,
Вдыхаю въ немъ вино, съ его восторгомъ плѣннымъ,
Ту влагу выпью я, и по златымъ краямъ
Дамъ биться отблескамъ и ликамъ и тѣнямъ.

Вино горитъ сильнѣй—незримое для глаза,
И осушенная—богаче, ярче ваза.
Я сладко опьянѣнъ, и, какъ лукавый змѣй,
Покинувъ глубь, всхожу... Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

9.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
Но я не то,—я островъ голубой:
Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
Онъ издали являетъ цвѣтъ лазури.

Я—вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:—
Вода блеститъ, но развѣ лучъ въ водѣ?
Нѣтъ, здѣсь свѣтя, я гдѣ-то тамъ блистаю,
И тамъ не жду, блесну—и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

10.

Звуки и отзвуки, чувства и призраки ихъ,
Таинство творчества, только-что созданный стихъ.

Только что срѣзанный свѣжій и влажный цвѣтокъ,
Радость рожденія—этого пѣнія строкъ.

Воды мятежились, буря гремѣла,—по вотъ
Въ водной зеркальности дышетъ опять небосводъ.

Травы обрызганы съ неба упавшимъ дождемъ.
Будемъ же мучиться, въ боли мы тайну найдемъ.

Слава создавшему пѣсню изъ слезъ роковыхъ,
Намъ передавшему звонкій и радостный стихъ!

V.

ЧЕТЪ И НЕЧЕТЪ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Утромъ рано,
Изъ тумана,
Солнце выглянетъ для насъ.
И освѣтитъ,
И замѣтитъ
Всѣхъ, кто любитъ этотъ часъ.

Ночью, скучно,
Однозвучно,
Упадаетъ звонъ минутъ.
О минувшемъ,
Обманувшемъ
Ихъ напѣвы намъ поютъ.

Точно съ крыши,
Тише, тише,
Капли падаютъ дождя.
Всѣ прольются,
Не вернутся,
Этотъ темный путь пройдя.

Звукъ неясный,
Безучастный,
Панихиды намъ поетъ.
„Вѣрьте, вѣрьте
„Только смерти!
„Четъ и печетъ! Печетъ, четъ!“

„Четъ счастливымъ
„И красивымъ,
„Слабымъ печетъ, недочетъ!
„Но, рѣдѣя,
„Холодѣя,
„Четъ и печетъ протечетъ!“

Звукъ неясный,
Безучастный,
Ты поешь, обманъ тая.
Нѣтъ, не вѣрю,
И въ потерю
Смыслъ иной влагаю я.

Вѣрьте, вѣрьте
Только смерти
Насъ понявшаго Христа!
Солнце встанетъ,
Не обманетъ,
Вѣчно свѣтитъ красота!

Цѣль страданья,
Ожиданья,
Всѣмъ намъ свѣтлый дастъ отчетъ.
Въ міръ согласный,
Вѣчно-ясный,
Четъ и нечетъ насъ влечетъ.

ИНДІЙСКІЯ ТРАВЫ

Tat tvam asi.—То есть ты.
Основоположеніе Индійской Мудрости

Познавшій сущность сталъ выше печали.
Шри-Шанкара-Ачарія

I.

МАЙЯ.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
Мѣсяцъ за скалы проплылъ и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іоги,
Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
Что-то шепталъ, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье;
Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
Стали качаться, носиться видѣнья,
Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
Время, пространство, причина, и цѣль,
Пышность восторга, и сумракъ потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамы,
Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для іоги,
„Майя—бездушный нѣмой океанъ!"

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

II.

КРУГОВОРОТЪ.

Не только люди и герои,
Волненье думъ тая,
Томятся жаждой въ душномъ зноѣ
Земного бытія.
Но даже царственные боги
Несутъ тяжелый плѣнъ,
Всегда витая на порогѣ
Все новыхъ перемѣнъ.

Они счастливѣе, чѣмъ люди,
Герои равны имъ,
Но всѣ они скорбятъ о чудѣ
Всѣмъ существомъ своимъ.

Въ оковахъ жизни подневольной
Запутанныхъ міровъ,
Скорбятъ о вѣчности безбольной
Непреходящихъ сновъ.

И только Онъ, Кто всѣхъ ихъ видитъ
Съ незримой высоты,
Кто блѣдной травки не обидитъ,
Въ Чьемъ лонѣ я и ты,—
Лишь только Онъ, всегда блаженный,
Ничѣмъ не утомленъ,
И жизнь съ ея игрой мгновенной
Предъ нимъ скользитъ, какъ сонъ.

Никѣмъ не понятъ и незнаемъ,
Онъ любитъ свѣтъ и тьму,
И кругъ завѣтный мы свершаемъ,
Чтобы придти къ Нему.
Какъ лучъ отъ Солнца, въ жгучемъ зноѣ,
Сквозь бездну мглы скользимъ,
И вновь—къ Нему, въ святомъ покоѣ,
И вотъ мы снова—съ Нимъ!

III.

ИНДІЙСКІЙ МОТИВЪ.

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны,
Какъ разногласье волнъ, что межь собой согласны,
Какъ сны, возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
Какъ тѣни дымныя вкругъ яркаго огня,
Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышетъ,

Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышитъ,
Какъ на поверхности потока бѣлизна,
Какъ лотосъ въ воздухѣ, ростущій ото дна,
Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

IV.

ЖИЗНЬ.

Жизнь—отраженіе луннаго лика въ водѣ,
Сфера, чей центръ—повсюду, окружность—нигдѣ,
Царственный вымыселъ, пропасть глухая безъ дна,
Вѣчность мгновенія—мигъ красоты—тишина.

Жизнь—трепетаніе Моря подъ властью Луны,
Лотосъ чуть дышащій, блѣдный любимецъ волны,
Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
Сонъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ—и ничей.

V.

КАКЪ ПАУКЪ.

Какъ паукъ въ себѣ рождаетъ паутину,
И, тяжелый, создаетъ воздушность нитей,—
Какъ художникъ создаетъ свою картину,
Закрѣпляя мимолетное событій,—

Такъ изъ Вѣчнаго исходитъ міровое—
Многосложность и единство бытія.
Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое:—
Онъ, Недвижный, Онъ, Нежаждущій—и я.

VI.

ИЗЪ УПАНИШАДЪ.

Все то, что существуетъ во вселенной,—
Окутано въ воздушную одежду,
Окружено Создателемъ всего.
Среди тѣней, въ движеніи сплетенныхъ,
Недвижное есть Существо одно,
Въ недвижности—быстрѣй, чѣмъ пламя мысли,
Надъ чувствами оно царитъ высоко,
Хотя они, какъ боги, въ высь парятъ,
Стремясь достичь того, что непостижно;
Оно глядитъ на быстрый токъ видѣній,
Какъ воздухъ—обнимая все кругомъ,
И жизненную силу разливая.
Недвижно движетъ всѣмъ; далеко—близко;
Оно внутри вселенной навсегда.
И кто проникновеннымъ взоромъ взглянетъ
На существа какъ дышащія въ немъ,
И на него какъ Генія Вселенной,
Тогда, понявъ, что слитна эта ткань,
Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣньемъ.

VII.

ИНДІЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Какъ золотистый плодъ, въ осенній день дозрѣвшій,
На землю падаетъ, среди стеблей травы,
Такъ я, какъ бы глухой, слѣпой, и онѣмѣвшій,
Иду, не поднимая головы.

Одно въ моихъ зрачкахъ, одно въ замкнутомъ слухѣ;
Какъ бы изваянный, мой духъ навѣкъ затихъ.
Ни громкій крикъ слона, ни блескъ жужжащій мухи
Не возмутятъ недвижныхъ чертъ моихъ.

Сперва я, какъ мудрецъ, бесѣдовалъ съ вѣками,
Потомъ свой духъ вернулъ къ первичной простотѣ,
Потомъ, молчальникомъ, я пріобщился въ Брамѣ,
И утонулъ въ безсмертной красотѣ.

Четыре радуги надъ бурною вселенной,
Четыре степени возвышенныхъ надеждъ,
Чтобъ возсоздать кристаллъ изъ влаги перемѣнной,
Чтобъ видѣть міръ, не подымая вѣждъ.

VIII.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зримо
Все, что въ душахъ у людей,
Тотъ, предъ Кѣмъ проходитъ мимо
Блески дымные страстей,—

Кто, Неслышимый, услышитъ
Каждый ропотъ бытія,
Только Тотъ безсмертьемъ дышетъ,
Въ нераздѣльно-слитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
Солнце, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
Тотъ, Кому они—покровы
Для сокрытаго ума,—

Тотъ, Кто близко и далеко,
Передъ Кѣмъ вся жизнь твоя
Точно радуга потока,—
Только Тотъ есть вѣчно—я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
Въ немъ возникли и умрутъ,
Всѣ сердечныя примѣты
Тамъ зажглись, блистая—тутъ.

Всѣ лучи въ росѣ горящей
Повторяютъ тотъ же ликъ,
Солнца ликъ животворящій,
Въ Солнцѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что—здѣсь, проходитъ мимо,
Словно тѣнь отъ облаковъ.
Но очамъ незримымъ—зрима
Неподвижность вѣчныхъ сновъ.

Онъ живетъ, предъ Кѣмъ проводитъ
Этотъ міръ всю роскошь силъ,
Онъ, Единый, не уходитъ,
Въ часъ захода всѣхъ свѣтилъ!

БЕЗВѢТРІЕ

Entónces huelga el hombre andando entre las estrellas.

Luis de Granada

Тогда-то наслаждается человѣкъ, проходя среди звѣздъ.

Люисъ де Гранада

Въ тихомъ безвѣтріи
Свѣтлыхъ пространствъ.

Случевскій

I.

АЛЬБАТРОСЪ.

Надъ пустыней ночною морей альбатросъ одинокій,
Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
Одиноко плыла, одиноко горѣла Луна.
О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно свободнымъ!
Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

II.

СВѢТЛЫЙ ГЕРОЙ.

Я слышалъ о свѣтломъ Героѣ,
Свободномъ отъ всякихъ желаній,
О немъ, перешедшемъ потокъ.
Въ лучистомъ застылъ онъ покоѣ,
Покинувъ нашъ міръ восклицаній
Для славы несозданныхъ строкъ.

Въ разрывахъ глубокой лазури,
Въ краю отодвинутой дали,
Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
Къ нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему не знакома борьба.

Съ безсмертной загадкой во взорѣ,
Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
Въ душѣ отразивъ небосводъ.
Въ высоко-мятущемся Морѣ
Онъ островъ забытый вѣтрами,
Среди успокоенныхъ водъ.

III.

ПОТУХШІЕ ФАКЕЛЫ.

Факелы, тлѣя, чадятъ,
Утомленъ наглядѣвшійся взглядъ.
Дымъ изъ кадильницъ излитъ,
Наслажденье, усталое, спитъ.

О, наконецъ, наконецъ,
Затуманенъ блестящій дворецъ!
Мысль, отчего жь ты не спишь,—
Вкругъ тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
Безпредѣльную цѣльность дробить,—
Все это было давно
И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумглѣ, въ тишинѣ,
Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
Новыя краски царятъ,
Драгоцѣнные камни горятъ.

Ниже, все ниже, все внизъ,
Замолчавшей душой устремись!
Въ смерти намъ радость дана,—
Красота, тишина, глубина!

IV.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ, онъ уснулъ между горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.
Это—мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,
Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвижныхъ лучей,—

Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и ложащихся отблескомъ страннымъ
На долины, что спятъ у подножія горъ,
Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтлотканныхъ,
Вѣчно тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничей не ласкающихъ взоръ.

Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣчнаго свѣта,
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ сновъ,
Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь Красоты, безпощадная ясность Поэта.

V.

БЛѢДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
Не желай. Не скорби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби.

Даль небесъ безпредѣльна.
О, какъ сладко тому,
Кто, хотя бы безцѣльно,
Весь приникнетъ къ Нему.

Въ небѣ царствуютъ луны.
Какъ спокойно вкругъ тихъ!
Златоцвѣтныя струны
Затаили свой стихъ.

Скоро звѣзды проснутся.
Сочетаясь въ узоръ,
Ихъ намеки слетутся
Въ серебристый соборъ.

Звѣзды—вѣчныя души.
Звѣзды свѣчи зажгли.
Вотъ все глуше и глуше
Темный ропотъ земли!

Нѣтъ границъ у лазури.
Слышишь медленный звонъ?
Это прошлыя бури
Погружаются въ сонъ.

Тихо въ царствѣ покоя.
Кругъ завѣтный замкнутъ.
Часъ полночнаго боя
Отошедшихъ минутъ!

Воздухъ чистъ и прохладенъ.
Этотъ мигъ не дроби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби!

VI.

НЕМОЛЧНЫЯ ХВАЛЫ.

Можно пѣть немолчныя хвалы,
Говоря всегда одно и то же.
Я люблю провалы горной мглы,
Гдѣ кричатъ голодные орлы,
Узкій путь, что съ каждымъ мигомъ строже—
Выше, выше мчитъ узоръ скалы.
Но на свѣтѣ мнѣ всего дороже—
Радость вѣчно пѣть Тебѣ хвалы,
Милосердный Боже!

VII.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Іоанна, нѣжный изумрудъ,
Драгоцѣнный камень ангеловъ небесныхъ,—
Передъ тѣми двери Рая отомкнутъ,
Кто тебя полюбитъ въ помыслахъ чудесныхъ,—
Цвѣтъ расцвѣтшей жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
Яшма, талисманъ апостола Петра,—
Храмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ столовъ
Въ часъ когда приходитъ трудная пора,—
Яшма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣрнаго Ѳомы,
Яркій хризолитъ оттѣнка золотого,—
Ты маякъ сознанья надъ прибоемъ тьмы,
Чрезъ тебя мы въ Богѣ убѣдимся снова,—
Хризолитъ прекрасный мудраго Ѳомы!

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
Гіацинтъ, агатъ, и дымный аметистъ,—
Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ,—
Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни,—
Между драгоцѣнныхъ камней властелинъ,
Ты намъ обѣщаешь жизнь въ иной отчизнѣ,—
Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

VIII.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

СОНЕТЪ.

Мнѣ все равно: царемъ ли быть могучимъ,
Иль мудрецомъ, средь отреченныхъ книгъ,
Иль облакомъ, бѣгущимъ къ дальнимъ тучамъ,
Чтобъ засвѣтиться молніей на мигъ.

Всему и всѣмъ сочувственный двойникъ,
Я ввысь иду по лабиринтнымъ кручамъ,
Судьба зоветъ, покой пустынь великъ,
И стихъ въ душѣ звучитъ ключомъ гремучимъ.

Туда, туда! За грани вѣчныхъ горъ!
Вершины спятъ. Лазурь, покой, просторъ.
Властительны невидимыя чары.

Въ предсмертной мглѣ дрожитъ одна звѣзда,
Надъ дольней тьмой, гдѣ дымные пожары.
Вершины спятъ. Скорѣй! Туда, туда!

IX.

ВЕРШИНЫ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Вершины бѣлыхъ горъ
Подъ краснымъ Солнцемъ свѣтятъ.
Спроси вершины горъ,
Они тебѣ отвѣтятъ.

Разскажутъ въ тихій часъ
Багрянаго заката,
Что нѣтъ любви для насъ,
Что къ счастью нѣтъ возврата.

Чѣмъ дальше ты идешь,
Тѣмъ глубже тайный холодъ.
Все—истина, все—ложь,
Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.

Намъ скупо свѣтитъ день,
А ты такъ жаждешь свѣта.
Мечтой свой духъ одѣнь,
Въ иномъ не ждп привѣта.

Чѣмъ выше надъ землей,
Тѣмъ легче хлопья снѣга,
Съ прозрачной полумглой
Слилась нѣмая нѣга.

Въ прозрачной полумглѣ
Ни мрака нѣтъ, ни свѣта.
Ты плакалъ на землѣ,
Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.

Пойми, одинъ, теперь:—
Нѣтъ ярче откровенья,
Какъ въ сумракѣ потерь
Забвеніе мгновенья.

Мгновенье красоты
Бездонно по значенью,
Въ немъ высшее, чѣмъ ты.
Служи предназначенью!

Взойди на высоту,
Побудь какъ лучъ заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нѣтъ возврата!

X.

МОСТЪ.

Между Временемъ и Вѣчностью,
Какъ надъ брызнувшей водой,
Къ намъ заброшенъ безконечностью
Мостъ воздушно-золотой.—

Разноцвѣтностью играющій,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любитъ Бога своего,—

Кто, забывъ свое порочное,
Побѣдилъ громаду золъ,
И, какъ радуга непрочная,
Возсіялъ—и отошелъ.

XI.

БѢЛАЯ СТРАНА.

Я—въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта,
Предо мной—прямая долгая дорога.
Ни души—въ просторахъ призрачнаго свѣта,
Не съ кѣмъ говорить здѣсь, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

Все что было въ жизни, снова улыбнется,
Только для другого,—нѣтъ, не для меня.
Солнце не вернется, счастье не проснется,
Въ сердцѣ у меня ни ночи нѣтъ, ни дня.

Но еще влачу я этой жизни бремя,
Но еще куда-то тянется дорога.
Я одинъ въ просторахъ, гдѣ умолкло время,
Не съ кѣмъ говорить мнѣ, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

СМЕРТІЮ — СМЕРТЬ

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata...
S. Ambrosius

Прочь да отступять видѣнія
И привидѣнья ночей:
Св. Амвросій

СМЕРТЮ—СМЕРТЬ.

I had a dream...
Lord Byron.

Я видѣлъ сонъ, не все въ немъ было сномъ,
Воскликнулъ Байронъ въ черное мгновенье.
Зажженный тѣмъ же сумрачнымъ огнемъ,
Я разскажу, по силѣ разумѣнья,
Свой сонъ,—онъ тоже не былъ только сномъ.

И васъ прося о милости вниманья,
Незримые союзники мои,
Лишь вамъ я отдаю завоеванье,
Исполненное мудростью Змѣи.
Но слушайте мое повѣствованье.

Мнѣ грезилась безмѣрная страна,
Которая была когда-то Раемъ;
Она судьбой намъ всѣмъ была дана,
Мы всѣ ее, хотя отчасти, знаемъ,
Но та страна проклятью предана.

Ея концы, незримые вначалѣ,
Какъ стѣны обозначились мнѣ,
И видѣлъ я, какъ, полныя печали,
Дрожанья звѣздъ въ небесной вышинѣ,
Свой смыслъ поняв, навѣки отзвучали.

И новое предстало предо мной.
Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
Украшенной игрушечной Луной
Онъ сдѣлался до отвращенья близкимъ,
И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
Тѣ сонмы звѣздъ, что я всегда любилъ,
Дымились, въ игрѣ однообразной,
Какъ огоньки, что бродятъ межъ могилъ,
Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
Что не была достаточно далекой,
Толпились дѣти, юноши—и всѣ
Толклись на мѣстѣ въ горести глубокой,
Томились, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
Съ роскошествомъ дымящихся огней,
Достойнымъ балагановъ затрапезныхъ,
Все дѣлался угрюмѣй и тѣснѣй,
Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
Но многіе еще просвѣта ждали
И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,
Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видали,
И съ устъ иныхъ срывался дикій смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мірѣ стало ясно,
Что замкнутъ Міръ, что онъ извѣстенъ весь,
Что какъ желать не быть собой—напрасно,

Такъ наше Тамъ—всегда и всюду Здѣсь,
И Небо надъ самимъ собой не властно.

Я слышалъ вопли: „Кто поможетъ? Кто?“
Но кто же могъ быть сильнымъ между нами!
Повторный крикъ звучалъ: „Не то! Не то!“
Ничто смѣялось, сжавшись, за стѣнами,—
Все сморщенное страшное Ничто!

И вотъ ужь стѣны сдвинулись такъ тѣсно,
Что груда этихъ стиснутыхъ рабовъ
Въ чудовище одно слилась чудесно,
Съ безумнымъ сонмомъ ликовъ и головъ,
Одно въ своемъ различьи повсемѣстно.

Измученъ въ подневольной тѣснотѣ,
Съ чудовищной Змѣею лико скованъ,
Дрожа отъ омерзенья къ духотѣ,
Я чувствовалъ, что умъ мой, заколдованъ,
Что нѣтъ конца уродливой мечтѣ.

Вдругъ, въ ужасѣ, незнаемомъ дотолѣ,
Я превратился въ главный ликъ Змѣи,
И Міръ—былъ мой, я—у себя въ неволѣ.
О, слушайте, союзники мои,
Что сдѣлалъ я въ невыразимой боли!

Все было сѣрно-изсиня-желто.
Я развернулъ мерцающія звенья,
И, Міръ порвавъ, самъ вспыхнулъ,—но за то,
Горя и задыхаясь отъ мученья,
Я умертвилъ ужасное Ничто.

Какъ сонный мракъ предъ властію разсвѣта,
Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
Вселенная, безсмертіемъ одѣта,
Раздвинулась до самыхъ береговъ,
И смыла ихъ—и дальше—въ море Свѣта.

Вновь манитъ Міръ безвѣстной глубиной,
Нѣтъ больше стѣнъ, нѣтъ сказки жалко-скудной,
И я не Змѣй, уродливо-больной,
Я—Люциферъ небесно-изумрудный,
Въ Безбрежности, освобожденной мной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Посвященіе 7
Предисловіе 9

1. Крикъ часового.

Крикъ часового 17

2. Отсвѣты зарева.

Книжальныя слова 21
Полночь и свѣтъ 21
Слово завѣта 22
Морской разбойникъ 23
Какъ испанецъ 24
Красный цвѣтъ 25
Я сбросилъ ее 26
Скифы 27
Въ глухіе дни 28
Опричники 29
Смерть Димитрія Краснаго 30
Скорпіонъ. *Сонетъ* 32
Я люблю далекій слѣдъ 33

3. Ангелы опальные.

Ангелы опальные 37
Слова любви 38
Хлопья тумана 38
Опять 39
Среди камней 40
Белладонна 41
Я буду ждать 42
Нѣжнѣе всего 43
Волна 44
Осень 44

Стр.

Отцвѣли 45
Замокъ Джэнъ Вальморъ. *Баллада.* 46
Чары мѣсяца. *Медленныя строки* 50
Можно жить съ закрытыми глазами 54

4. Совѣсть.

Сумрачныя области 57
Подъ ярмомъ 58
Лѣсной пожаръ 58
Разсѣлъ. *Медленныя строки* 62
Дымъ 64
И плыли они 65
Скрижали 66
На мотивъ изъ Зендъ-Авесты 67
Конецъ міра. *Сонетъ* 68
Въ аду 69

5. Страна неволи.

Страна неволи 73
Въ душахъ есть все 74
Стучи, тебѣ откроютъ 77
Въ тюрьмѣ 77
Избранный 78
Раненый 79
Проклятіе глупости. *Сонетъ* 80
Уроды. *Сонетъ* 80
Бабочка 81
Заколдованная дѣва 82
Сквозь міръ случайностей 83

6. Возлѣ дыма и огня.

Кузнецъ 87
Выше, выше 87
Моя душа 88
Духъ волны 89
Вычаніе 90
Во власти всѣхъ вещей 92
Бретань. *Сонетъ* 92
Утопленники. *Сонетъ* 93
Проповѣдникамъ. *Сонетъ* 94
Хвала сонету. *Сонетъ* 95
Я не изъ тѣхъ. *Сонетъ* 95

Стр.

Ожесточенному 96
Въ башнѣ 97
Къ дальнему 99
Отъ умершаго къ живому 100
Островъ Виліэ-Льявола 100
Послѣ бала 102
Разлука. *Сонетъ* 103
Молитва о жертвѣ 104

7. Мимолетное.

Лѣсныя травы 109
Блѣдная травка 109
Ароматъ солнца 110
Глушь 111
Затонъ 112
Послѣдній лучъ 113
Закатные цвѣты 113
Равнина 114
Молебенъ 114
Въ окрестностяхъ Одессы 115
Вечеръ въ Амстердамѣ. *Медленныя строки* . . 116
Исландія 117

8. Антифоны.

Намъ нравятся поэты 121
Къ Гермесу Трисмегисту 121
Къ Бодлэру 122
Къ Лермонтову 123
Гиперборей 124
Страна Исседоновъ 125
Набраннику 126
Мой другъ, есть радость и любовь 127
Изъ Зендъ-Авесты. *Гимнъ* 127
Оттуда 128
Луна 129
Тучи 130
Я въ глазахъ у себя затаилъ 131

9. Прогалины.

Путь правды. *Сонетъ* 135
Папоротникъ 135

Стр.

Пробужденіе *Сонетъ* 138
И да, и нѣтъ 138
Четъ и нечетъ. *Мелкимыя строки* 143

10. Индійскія травы.

Майя 149
Круговоротъ 150
Индійскій мотивъ 151
Жизнь 152
Какъ паукъ 152
Изъ Упанишадъ 153
Индійскій мудрецъ 153
Молитва вечерняя 154

11. Безвѣтріе.

Альбатросъ 159
Свѣтлый герой 159
Потухшіе факелы 160
Южный полюсъ Луны 161
Блѣдный воздухъ 161
Немолчныя хвалы 163
Драгоцѣнные камни 163
Предвѣщаніе. *Сонетъ* 164
Вершины. *Мелкимыя строки.* 165
Мостъ 166
Бѣлая страна 167

12. Смертію—смерть.

Смертію—смерть 171

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ Сѣверными Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина) Изд. 4-е М. 1914. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія). Изд. 4-е. М. 1914. Ц. 1. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.

Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

К. Д. Бальмонтъ. Звенья. Избранные стихи. 1890—1912. М. 1912. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1902—1909 гг.

Томъ II. Стихи 1902—1903 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 гг. Обложка Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.

Ив. Буниновъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верленъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Ранныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ—1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Осеннія Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Стихи Нелли. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50к.).

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

Уольтъ Уитменъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-ое, дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипіи). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эмо Лебефа. Письма Клары Бальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

М. Кузминъ. Третья книга разсказовъ. (Путешествіе сера Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанѳѣ. „Высокое искусство". Нечаянный провіантъ. Опасный стражъ. Ванина родинка. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ II. Разсказы, статьи, афоризмы. Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лерберге. Панъ. Они почуяли. М-lle Кози-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лерберге. Они почуяли. М-lle Кози-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Метерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. („Паранельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай".) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ и т. д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. — Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библіографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Изъ воспоминаній. М. 1913. Ц. 50 к.

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 г. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 2 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма, К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталь", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Кузминскаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища", очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза", комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, „Аполлонъ и мышь", статья М. Волошина. „Шумъ смерти", разсказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909): 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей, Рене Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Рене Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, И. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, Н. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дмитренрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Редона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, П. Сапунова, К. Сомова, Т. Стержль-Мура, С. Судѣйкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ", нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія —40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки; 1908, 1909—по 7 руб. безъ пере-

сылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) — 7 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена и 2-й части „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ": Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ", Петербургъ, Садовая, 18.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой). М. 1912. Ц. 40 к.

Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).

Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Вторая книга статей. (Готовится).

Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р.

Эллисъ. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.

Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

С. Дурылинъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. М. 1913.

Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится).

Гете. Театральное призваніе Вильгельма Мейстера. (Wilhelm Meisters Teatraliche Sendung). Переводъ первоначальной редакціи романа „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера", найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шультгеса. Предисловіе перваго издателя Гарри Мейнка. Приложеніе: I. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ писемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ". (Готовится).

Адольфъ Гильдебрандтъ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается.)

Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ. Арійское міровоззрѣніе. (Печатается).

Жозефъ Орсье Аграина Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).

Павлинъ изъ Пелы. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)

Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)

Ипполитъ Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Спиноной. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.

Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степуна (Готовится).

Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.

Шарль Бодлэръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Ц. 1 р.

Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.
Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Книга третья. Снѣжная Ночь. Изданіе 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.

Сергѣй Соловьевъ. Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.

„Логосъ" Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ". Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ" 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.

„Логосъ" 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.

„Логосъ". Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

Яковъ Беме. Аигога или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится).

Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера (Готовится).

Гераклитъ Ефесскій. Фрагменты. Переводъ Владиміра Нилендера. М. 1910. Ц. 1 р.

Рэйсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Метерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.

Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса (Готовится).

Лира Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).

Мейстеръ Экхартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизмъ.—Символизмъ и современное русское искусство.—Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.—Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Лунные муравьи. Книга разсказовъ. (Лунные муравьи.—Онъ бѣлый.—Женское.—Былъ и такой.—Увѣренная.—Дверь.—Застѣнный.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ.—Подслушанныя слова). М. 1912. Ц. 1 р.

Сергѣй Клычковъ. Пѣсни. Печаль-Радость. Лада. Бова. М. 1911. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунный. Разсказы. (Черты изъ жизни моей.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокаменной Москвы.—Изъ бумагъ князя Г.) М. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Аранова. М. 1910. Ц. 1 р.

Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изд. 6-е, дополненное. (Печатается).

Любовь Столица. Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коненкова. Надписи и украшенія А. Аранова. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

М. Шагинянъ. Обольщеніе имущаго. (Поэзія З. Н. Гиппіусъ.) М. 1912. Ц. 40 к.

Владимиръ Эльснеръ. Выборъ Париса. Первая книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р.

Владимиръ Эльснеръ. Пурпуръ Киѳеры. Эротика Иллюстраціи, Н. Миліоти, М. Сарьяна, Г. Якулова. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Листки изъ утраченнаго альбома. Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева кн. П. П. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя, карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ присловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ д'Оревильи. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Поль Верлэнъ. Бацинскія вдовица. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Кагальса, Коли и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Ренэ Гиль. Научная поэзія. О цѣляхъ и задачахъ искусства. Переводъ Н. Львовой, подъ ред. и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Печатается).

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).

Маріэтта Шагинянъ. Orientalia. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.

Э. Т. А. Гофманъ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владимира Соловьева. Съ автопортретомъ. М. 1913. Ц. 1 р.

Юліанъ Анисимовъ. Обитель. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р.

Н. Львова. Старая сказка. Первая книга стиховъ. М. 1913 Ц. 1 р.

INDING SECT.
OCT 1 3 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.2

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov